

Марина Линник

Решкарнация

Марина Линник

Реинкарнация

«Автор»

2023

Линник М.

Реинкарнация / М. Линник — «Автор», 2023

Существует ли на самом деле реинкарнация, повторное возвращение души к жизни – в новом теле, с новой судьбой и новыми задачами? Каждый отвечает на этот вопрос по-своему. Однако, изучая архивы, просматривая семейные альбомы или картины художников, сталкиваешься порой с труднообъяснимыми, а то и вовсе не поддающимися объяснению фактами. Случается, что в критических ситуациях или под гипнозом перед человеком зримо встают картины его прошлого существования. Герои романа Марины Линник живут в разных временных измерениях, но их судьбы тесно переплетены. Эпоха Генриха VIII Тюдора и Анны Клевской неожиданно врывается в наши дни. Чтобы освободиться от этого наваждения, юной Аннелис Клейнер приходится повторно пережить события прежней жизни, вновь испытать все ее эмоции, страхи и радости. Сумеет ли героиня романа должным образом пройти неожиданное испытание? Хватит ли у нее сил, терпения и милосердия, чтобы спасти заблудшую душу?

© Линник М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марина Линник

Реинкарнация

Посвящается А. Л.

Пролог

Бессмертные стоят нам жизни...

Рамон де Кампоамор

Звук быстрых шагов и шелест платья эхом проносились по темному мрачному коридору дворца Хэмптон-Корт, более походившему, благодаря его нынешнему хозяину, Генриху VIII, на средневековую крепость, нежели на дворец. При скудном свете, мягко струившемся из окон, можно было разглядеть женскую фигуру в светлом платье. Длинные темные волосы, ниспадавшие тяжелыми локонами, растрепались от быстрого бега. На бледном юном лице, искаженном страхом, читалось отчаяние. Девушка то и дело оглядывалась назад, по всей видимости опасаясь преследования. И, похоже, не зря, ибо вослед ее легким шагам раздались другие, более гулкие и тяжелые. Их звук грозным эхом прокатился под сводами коридора. Обернувшись, она увидела своих преследователей и, вскрикнув, припустила еще быстрее.

Кем же было это юное создание, так отчаянно спасавшееся от неведомых врагов? Куда бежала она и где рассчитывала найти спасение? Но главное – почему? За какие преступления ей предстояло ответить перед судьей? А может быть, вовсе не перед судьей? Может, за ней гнались убийцы, желавшие отомстить за причиненные обиды?

– Генри!.. Генри! – Девушка тем временем добралась до Королевской часовни и стучала в дверь не переставая.

– Миледи, вам сюда нельзя, – приоткрыв дверь, безучастно произнес слуга, смерив девушку надменным взглядом. – Его Величество не велел его тревожить.

– Но, Джеймс, мне обязательно нужно его увидеть, – умоляюще сложив руки и обливаясь слезами, пролепетала она. – Мне очень нужно... я... я должна все объяснить. Пока не поздно!.. Это... Это недоразумение! Меня оклеветали! Я уверена, король все поймет!

– Мне очень жаль, миледи. Приказ есть приказ, – еще раз окинув девушку презрительным взглядом, ответил слуга.

Он уже собирался закрыть дверь, но в этот миг, собрав последние силы, девушка оттолкнула Джеймса и вбежала в часовню. Оглянувшись, она заметила темную фигуру, стоящую на коленях у алтаря. Король молился.

– Генрих! – закричала девушка и стремглав бросилась к нему.

Дорогу ей тотчас же преградили два стражника. Девушка отчаянно пыталась прорваться сквозь их заслон, но силы были неравны.

– Ваше Величество... Генри, я умоляю! Дай мне все тебе рассказать! Прошу тебя!.. Во имя нашей любви!.. Дай мне все объяснить!.. Меня оклеветали! Они пытаются разрушить наше счастье!.. Я умоляю тебя!.. Пощади!!! Я ведь люблю тебя!.. Прошу...

– Слишком поздно, миледи, – и ваши признания, и ваши мольбы, – раздался властный голос одного из самых суровых правителей, каких знала Англия.

Он тяжело поднялся и медленным шагом направился к бившейся в руках стражников девушке. Подойдя почти вплотную, он сурово взглянул на нее и произнес:

– Миледи, меня больше не трогают ни ваши слова, ни ваши прелести. В первых слышна лишь гнусная ложь, ну, а вторые... я не хочу делить со всяким сбродом.

– Но, Ваше Величество, это не так! – пыталась оправдаться девушка. – Я не лгала вам!

– Что?! – вскричал Генрих VIII, побагровев. – Да как смеешь ты мне, королю Англии и Ирландии, глядя прямо в глаза, так нагло лгать? Ты, кого я обожал, превозносил, одаривал дорогими подарками? Ты, кому я прощал глупость и невежество, выслушивал любые просьбы и исполнял всевозможные капризы? Ты смеешь мне лгать и, не отводя взора, отрицать свою измену?

На короля было страшно смотреть. Его глаза потемнели от гнева и метали молнии. Чувственные губы плотно сжались, а на оплывших щеках задвигались желваки. Побелевшие от напряжения кулаки свидетельствовали о том, что он с большим трудом сдерживается от того, чтобы не обрушить всю свою злость на опальную королеву.

– О, Ваше Величество, – пролепетала Кэтрин, падая на колени перед мужем, – не осуждайте меня за мои прошлые прегрешения. Я была так молода...

– А я вас, миледи, по-моему, и не спрашивал ни до свадьбы, ни после о том, где и как вы научились настолько искусным любовным играм в столь юном возрасте, – язвительно заметил король.

– Тогда в чем вы меня обвиняете? – спросила Кэтрин, с изумлением уставившись на короля. – Я вас не понимаю... Уверяю вас, мои враги оклеветали меня и опорочили мое доброе имя! Я бы никогда не осмелилась на подобное. Поверьте, я была вам вер...

– Молчать! – взревел Генрих. Он подскочил к жене и, схватив ее за волосы, наклонился над ней. Глядя королеве в глаза, он медленно проговорил:

– Кэтрин Говард! – Каждое слово, вылетающее из его уст, звучало, как удар хлыста. – Вы обвиняетесь в измене королю, а значит, и государству, и по законам этого государства будете казнены... Увести и запереть в комнате! – приказал он вбежавшим вслед за опальной королевой стражникам. Затем он вновь обратился к Кэтрин: – Завтра вы отправляетесь в аббатство Сайон, где проведете время в молитвах и покаянии. Позже, когда расследование будет полностью завершено, вас отвезут в Тауэр, миледи, где вы и будете обезглавлены... Прощайте! Да простит Господь все ваши прегрешения!

– О, Ваше Величество! Пощадите!.. – с мольбой в голосе простонала Кэтрин и без чувств упала на руки стражников.

Глава 1

Красный кабриолет, украшенный живыми цветами и веселой надписью «Новобрачные», плавно остановился у главного входа отеля «Carlton Mitre». Несмотря на то, что стены его были возведены еще в середине XVII века, время, уничтожившее многие замки Англии, не коснулось этого великолепного дворца, превращенного новыми хозяевами в уютный отель, отвечающий всем современным требованиям. Аннелис Клейнер, недавно ставшая миссис Тейлор, вышла из машины и с наслаждением потянулась. Все-таки долгое сидение в машине, даже такой комфортабельной, как у них, утомляет. Затем, поправив растрепавшиеся волосы, она огляделась.

– Какое чудесное место, дорогой! – проговорила она, с любопытством рассматривая густо заросший лианами фасад отеля.

– Я знал, милая, что тебе понравится. Моя семья и я всегда проводим здесь отпуск. Всего полтора часа от Лондона, а как все меняется. Каждый уголок предместий дышит историей. Да что говорить, Ричмонд-на-Темзе и есть сама история, – улыбнулся Генрих, бросив восхищенный взгляд на новоиспеченную супругу.

«Мне досталась самая очаровательная женщина на свете», – подумал он, выходя из машины и передавая ключи от нее портье. И действительно, Аннелис, англичанка немецкого происхождения, всегда выделялась на фоне других девушек. Ее нельзя было назвать красавицей: довольно-таки высокая, худощавая, с чуть длинноватым носом и бледной кожей, в детстве она никогда не пользовалась успехом у ребят. Но повзрослев, она превратилась в очаровательную девушку, которая своей женственностью, обаянием, какой-то таинственной загадочностью начала притягивать взоры противоположного пола. В ее серо-зеленых глазах постоянно играл задорный огонек, а мягкая улыбка могла покорить и обезоружить кого угодно. Портрет Аннелис был бы неполным без упоминания роскошных длинных волос золотисто-соломенного цвета – предмета ее гордости. Всегда изысканно и безукоризненно одетая, грациозная девушка, обладавшая к тому же отменным чувством юмора, с первого взгляда покорила своего будущего мужа. Закоренелый холостяк, которого неоднократно пытались заманить под венец, после нескольких минут общения с Аннелис выбросил белый флаг и сдался на милость победительницы.

Они познакомились совершенно случайно. Аннелис Клейнер работала в миротворческой миссии в Руанде. Военные действия в стране привели к гуманитарной катастрофе, и Красный Крест направил туда сотрудников для оказания помощи местному населению. Аннелис работала по восемнадцать часов в сутки, пытаясь хоть как-то облегчить страдания обездоленных войной людей. Генрих Тейлор, сбежавший в очередной раз от слишком назойливой невесты, был хирургом, который, как говорили его коллеги и местное население, «был отмечен Богом». С первых дней своего пребывания в миссии он сразу же заметил Аннелис и незамедлительно приступил к «осаде крепости». Но девушка была так поглощена работой, что вначале даже не заметила настойчивых ухаживаний Генриха. Более того, она не заметила и самого Генриха. После неудачного брака, закончившегося изрядной нервотрепкой, Аннелис наслаждалась свободой и не торопилась обменять ее на новое кольцо. Коллеги Генриха уже предсказывали ему полный провал, но он не сдавался. Через год его упорство было вознаграждено, и Аннелис, в присутствии многочисленных родственников и гостей, на вопрос: «Берете ли вы Генриха Уильяма Тейлора в законные мужья?» – ответила: «Да».

Свадебное путешествие они решили совершить на родину, так как очень соскучились по туманному Альбиону.

– Мы рады видеть вас в нашем отеле, – с радушием поприветствовала молодоженов девушка, менеджер отеля. – Примите наши самые искренние поздравления и пожелания. Ваша комната готова и ожидает вас. Вы, наверно, устали с дороги?

– Немножко, – улыбнулась в ответ Аннелис. – Сегодня был волнующий день.

– Тогда не буду вас задерживать... Вот ваш ключ... Ужин доставят в ваш номер через час. Если что-то понадобится, позвоните мне. Приятного отдыха!

– Большое спасибо, – весело произнес Генрих, взяв под руку свою обворожительную жену. – Когда наши вещи доставят в номер? Видите ли, мы очень утомились...

– О, не беспокойтесь, господин Тейлор. Их доставят прямо сейчас, я уже распорядилась.

– Отлично... Спасибо. Пойдем, дорогая?

Поднявшись по лестнице и пройдя несколько метров по темному коридору, они очутились в небольшой, но очень уютной комнате.

– Какая прелесть! – воскликнула Аннелис, окинув взглядом номер. – По сравнению с нашим аскетичным жилищем в Руанде, это просто королевские покои.

– Ваше Величество не будет возражать, если я на некоторое время покину ее и уединюсь в душе? – пошутил Генрих, отвесив ей низкий поклон.

– Разумеется, мой король. Но, прошу вас, не задерживайтесь, не заставляйте свою королеву коротать время в одиночестве, – рассмеялась в ответ молодая женщина и сделала грациозный реверанс.

Положив солнечные очки и легкие перчатки на кресло, Аннелис подошла к окну. Приподняв штору, она распахнула его. Теплый июньский ветерок ворвался в комнату, принес с собой запах цветов и веселый гомон птиц. Молодая женщина с наслаждением вдохнула сладкий аромат и в блаженстве потянулась. «Боже, как хорошо, – подумала она. – Все же как бы я не любила Африку и свою работу, мне так приятно вновь оказаться в Англии, вдыхать этот дурманящий запах свежей травы, видеть зеленые просторы вместо бесконечных песков и пыли, слышать пение птиц, а не завывание самума».

Аннелис выглянула в окно и огляделась по сторонам. Какой великолепный пейзаж! Ах, и почему она так и не научилась рисовать! Открывшаяся взору картина так и просится на холст. Вот бы сейчас взять мольберт и нарисовать увиденное, чтобы потом, когда они вернутся в знойную, лишенную таких красот Африку, можно было бы смотреть на рисунок и вспоминать эти мгновения. Но, увы, ей остается только запечатлеть эту красоту в своей памяти. С легким сожалением посмотрев еще раз на раскинувшуюся перед ней картину, она бросила более пристальный взгляд на противоположный берег Темзы. Там величественно возвышался Хэмптон-Корт – бывшая загородная резиденция английских королей. Генрих очень много рассказывал ей об этом дворце, где жил его тезка – Генрих VIII, прозванный потомками Синей Бородой из-за того, что слишком часто менял своих жен. Аннелис любила места с подобными историями. Еще в юном возрасте она проехала с родителями, занимавшимися реставрационными работами, почти всю Европу: Лувр, Версаль, Шенбрунн, Нойшванштайн, Карлштайн... Это лишь немногие из тех мест, что ей довелось посетить. Казалось, Аннелис могли бы наскучить памятники старины с их тайнами и загадками, но, тем не менее, она легко поддалась на уговоры будущего мужа, с удовольствием дав согласие провести медовый месяц вблизи Хэмптон-Корта. Однако при виде здания, высившегося над рекой, молодую женщину внезапно охватило странное ощущение, переросшее в сильное волнение. И чем дольше она смотрела на дворец, тем сильнее колотилось у нее сердце. И тут Аннелис охватил невероятный страх, так как молодая женщина вдруг четко осознала: она хорошо знает это место. Да-да, точно знает. «Не может быть! – пронеслось в голове. – Ну конечно... Нет, этого просто не может быть! Мне показалось!.. Или нет? Но тогда откуда? Мне было всего три года, когда родители увезли меня на континент. Даже если меня сюда и привозили, я вряд ли, в силу слишком юного возраста, могла запомнить это место. Тогда почему? Почему я знаю этот дворец? Это просто какое-то сума-

существо!» Она тряхнула головой, пытаясь отделаться от наваждения, но неожиданно повеяло жутким холодом. Подумав, что он идет от открытого окна, Аннелис, захлопнув его, повернулась лицом к комнате... и тут из ее уст вырвался пронзительный крик. В кресле, куда она несколькими минутами раньше положила свои вещи, восседала величавая дама, одетая по старинной моде. Она смотрела на молодую женщину печальными глазами и молчала. Возможно, в другой ситуации Аннелис как следует рассмотрела бы незваную гостью, но в тот миг ужас и пронизывающий холод сковали не только тело молодой женщины, но и разум.

– Лисса, дорогая, что стряслось? Почему ты кричала? – Генрих стремительно выбежал из ванной, наскоро обернувшись полотенцем. – Господи! Да на тебе лица нет! Что случилось?

– Т-т-там, – прошептала молодая женщина, указывая дрожащей рукой в сторону медленно исчезающего силуэта. Зубы от охватившего ее ужаса выбивали чечетку. – Т-т-там... н-н-на кресле... там был... ПРИЗРАК!

Глава 2

Аннелис настолько была взволнованна, что не могла ни есть, ни пить. За ужином она то и дело возвращалась к разговору об увиденном. Генрих успокаивал ее как мог. Но его уговоры не нервничать и перестать думать о подобных пустяках и вовсе вывели молодую женщину из себя.

– Ты считаешь, что мне померещилось? – с вызовом взглянув на мужа, спросила Аннелис. – Думаешь, я сошла с ума?

– Все нет, солнышко, я не утверждаю это, а только предполагаю, что тебе померещилось, ты немного устала. В конце концов, вчера была наша свадьба: волнение, потом еще перелет. Видишь ли, это все естественно.

– Генри, ты меня не слышишь? Какие волнения и при чем тут перелет? Я битый час пытаюсь тебе объяснить, что и замок, и сама дама мне знакомы. Я видела их раньше!

– Ну, тогда не знаю, – пожал плечами Генрих и принялся с аппетитом уплетать говядину по-веллингтонски, аромат которой наполнял номер.

Аннелис с отвращением посмотрела на стол и, положив салфетку, встала.

– Солнышко, ты ни к чему не притронулась. Так нельзя! Съешь хотя бы йоркширский пудинг, ты так мечтала его попробовать. Здесь это блюдо готовят по старинному рецепту. Просто пальчики оближешь.

– Спасибо, я не хочу, – стоя в задумчивости возле окна, ответила Аннелис.

– Как знаешь, только потом не говори, что я тебе его не предлагал... М-м-м, как вкусно! Лисса, прошу тебя, выкинь невеселые думы о случившемся. В конечном итоге, это же старинный замок. А в замке обязаны жить привидения... Иди сюда, дорогая... Ну пожалуйста, Нетти.

Молодая женщина оторвала взгляд от Хэмптон-Корта и повернулась к мужу. На нее смотрели голубые с прозеленью глаза, в которых читалась жгучая страсть, готовая в любую минуту вырваться наружу. Она улыбнулась той милой, чарующей улыбкой, не раз разоружавшей Генриха, и протянула ему руку...

Но как бы она ни хотела забыть странное событие минувшего дня, ей это не удавалось. Лежа в постели и прислушиваясь к мирному посапыванию мужа, Аннелис раз за разом прокручивала в голове встречу с призраком. Почему образ этой женщины показался ей знакомым? Может, она его видела раньше? Но где? На картинах в музеях, которые они посещали с родителями чуть ли не каждую неделю? Или в каком-нибудь альбоме? Так, перебирая в уме различные варианты, она пролежала около двух часов.

А тем временем погода за окном ухудшалась. Поднявшийся штормовой ветер начал завывать в каминной трубе и рваться в окна. Внезапно всполох молнии раскрыл небо на части, а вслед за ним раскат грома потревожил покой мирно спавших людей.

– Что случилось, дорогая? – сквозь сон прошептал Генри, с трудом приподнимая голову.

– Гроза, – тихо ответила молодая женщина. – Все хорошо, милый.

– Приятных сновидений, солнышко, – пробормотал Генри и, повернувшись на другой бок, опять засопел.

– Тебе того же, – глядя на капли дождя, ручьями стекавшие по стеклу, машинально ответила Аннелис.

Она уже готова была последовать примеру мужа и под шум дождя погрузиться в объятия Морфея, но словно какая-то неведомая сила заставила молодую женщину подняться и подойти к окну. Непроглядная темень, время от времени нарушаемая вспышками молний, приковала к себе взгляд Аннелис. За окном бушевала гроза. Ветер яростно трепал деревья, раскачивая стволы. Крупные капли дождя, барабана по окнам, исполняли своеобразную мелодию. Молодая женщина, как замороженная, стояла и смотрела на это буйство природы, совершенно потеряв счет времени. Очередная яркая вспышка и последовавшие за ней оглушительные треск и

грохот вывели Аннелис из задумчивости. Она поежилась и собралась уже вернуться в постель, как вдруг прямо перед ней за окном возникло лицо той самой женщины, которая явилась ей сегодня. Призрак смотрел на Аннелис большими печальными глазами. Отскочив от окна, молодая женщина стремглав бросилась в кровать и, зарывшись в одеяло, зажмурилась, охваченная мелкой дрожью. «Мне это только кажется, только кажется, – уговаривала она себя. – Привидений не существует, мне померещилось, мне... все... померещилось». Так, немного успокоившись, она погрузилась в тревожный сон...

...Море... Она всегда любила море. Еще ребенком она ездила с бабушкой на море. Часами сидя на берегу, они любовались изумрудно-синими волнами, закатом, с наслаждением слушали шум прибоя и крики чаек... Но что это? Как она оказалась на старинном корабле? И почему на ней такое странное платье? Куда они плывут?.. Какой красивый замок, суровый, но необыкновенно красивый. В нем ощущаются мощь и величие. Интересно, а кто эти люди и почему они смотрят на меня так странно? О чем они говорят? Я совсем не понимаю их!.. Дамы и их кавалеры в таких красивых нарядах подобострастно кланяются мне, как будто я королева... Вдруг страх... удушающий страх сковывает меня... Где я? Что я делаю одна в этой комнате? В ней очень пусто и холодно. Кто эти люди и чего они хотят от меня? Они держат какую-то бумагу в руках...

– Вам предписывается немедленно покинуть дворец, – произнес знатный вельможа со свитком в руке.

– П-почему? Я в чем-то провинилась?

– Такова воля короля, мадам!..

Опять какие-то тени... тени... Боже, какой прелестный замок. Он невелик, но так очарователен и уютен. Сад... о таком саде я мечтала долгие годы. Надо обязательно обзавестись парой лебедей в пруду... А кто эта изысканно одетая дама? Несмотря на горделивый вид и вздернутый носик, она выглядит очень взволнованной.

– Мадам, вы должны помочь мне.

– Я? Но каким образом? Чем я могу помочь миледи?

– Повлияйте на короля! Вы его сестра и сумеете добиться справедливости. Скажите ему, что меня злостно оклеветали!

– Боюсь, что я вряд ли смогу вам помочь, миледи. Его Величество и слушать меня не станет...

– Жалко, что вас не сослали, как Екатерину Арагонскую, или не обезглавили, как Анну Болейн.

– Мадам, на все воля короля.

– Вы... вы... вы недостойны быть королевой!

– Но зато я достойна называться сестрой короля, миледи...

...Какой сегодня выдался чудесный день! Как приятно проехать на лошади по такому восхитительному лесу. Поют птицы, весело порхают бабочки. А воздух... Воздух напоен ароматами трав и цветов... Но кто это едет рядом со мной? Кто эта юная девушка? Она точно знакома мне, но почему я ее знаю? И о чем она толкует?

– Мне передали, что вчера к вам приезжала ОНА?

– Кто, миледи?

– Его жена... У меня язык не поворачивается называть ее королевой. Истинной королевой была моя мать, Екатерина Арагонская. Так ОНА была здесь? – повторила вопрос юная особа.

– Да, она навестила меня в моем скромном жилище.

– Что ей было нужно? Она ни о чем не догадалась?

– Мадам просила о помощи.

– О помощи? Неужели?

– Она просила поговорить с королем.

– Вы ей пообещали?

– А разве я могу это? Потом она стала меня оскорблять, но я ничего не ответила ей на эту недостойную королевы выходку.

– Я никак не могу понять, как король мог жениться на этой блуднице. После моей матери вы единственная, кто достоин короны. Надеюсь, отец это когда-нибудь поймет...

...Боже, где я? Что это за мрачное подземелье? Как тут сыро, холодно и мрачно. Повсюду слышны жалобные стоны...

– Миледи, умоляю, спасите меня!

– Но что я могу сделать? Суд присяжных вынес приговор, а король подписал его.

– О, прошу вас! Я была несправедлива к вам и порой жестоко обращалась с вами, так как всегда ревновала к вам Генриха. Вы единственная, кто заслуживает уважения в его глазах...

– Но, миледи, вы просите о невозможном. Я не смогу вас спасти, слишком поздно.

– Я знаю. Но я прошу вас о другом одолжении: спасите мою душу. Только вам под силу сделать это! Умоляю вас! Спасите мою душу!!!

– Эй, соня, проснись! – услышала Аннелис сквозь сон. – Посмотри, какой сегодня выдался чудесный день. Гроза прошла и на небе ни облачка.

Молодая женщина открыла глаза и взглянула на мужа. Он сидел на кровати рядом с ней и улыбался. Глаза Генриха светились счастьем.

– Доброе утро, моя королева, – поцеловав ее руку, проговорил он. – Как спалось моей дорогой девочке? Что снилось?

– Королева?.. – рассмеялась Аннелис, но потом внезапно осеклась, вспомнив свой сон. – Почему ты назвал меня королевой?

– Не знаю, – озадаченно поглядев на жену, ответил Генрих. – Так, на ум пришло. А что тебя смутило?

Аннелис вкратце рассказала ему свой сон. Генрих добродушно рассмеялся и похлопал ее по руке.

– Дорогая моя девочка, ты у меня большая выдумщица. Твой мозг сыграл с тобой злую шутку. Мы ведь находимся в том месте, где все дышит историей. Эти места неразрывно связаны с жизнью Генриха VIII и судьбами его несчастных жен. Вероятно, ты не раз читала или смотрела фильмы об этом, вот воображение и разыгралось. Сегодня мы пойдем на экскурсию в Хэмптон-Корт, и ты увидишь замок своими глазами и услышишь трагическое повествование о жизни этого человека и его женщин... Вставай, соня, завтрак уже ждет нас.

– Хорошо, дорогой, – потягиваясь, прошептала Аннелис и послала мужу воздушный поцелуй.

Генрих ушел в соседнюю комнату, чтобы налить жене и себе кофе. Молодая женщина набросила на плечи пеньюар и подошла к зеркалу, чтобы привести волосы в порядок. Глядясь в старинное зеркало, она в задумчивости приглаживала роскошные золотистые волосы щеткой, и вдруг вместо своего отражения увидела ту самую молодую женщину из сна. Аннелис сразу узнала ее: как можно было забыть бледное заплаканное лицо в ореоле растрепанных светлых волос, огромные голубые глаза, в которых читались страх и отчаяние? Как можно было забыть мольбу человека, понимающего, что для него не наступит завтра?

– Спасите мою душу! Заклинаю вас! Спасите мою душу!.. – прошептал призрак, умоляюще сложив руки.

Аннелис выронила щетку из рук и вскрикнула от ужаса.

– Любимая, что с тобой? – Генрих вбежал в спальню, встревоженный ее криком. – Дорогая, с тобой все в порядке? Ты похожа на человека, который...

– ...у которого опять были видения, – нерешительным голосом проговорила молодая женщина. Затем она посмотрела на мужа и залилась горячими слезами. – О, Генри! Мне кажется, я схожу с ума! Вчера одно привидение, потом странный сон, теперь уже другой призрак, призрак из моего сна! Я боюсь! Давай уедем отсюда... пожалуйста!

– Дорогая?! О чем ты говоришь? Это же наше свадебное путешествие. Мы так его ждали! Ты же сама хотела посетить эти места.

– Да, очень хотела, но сейчас... не думай, что я капризничаю... Господи, я сама не знаю, что происходит. Я второй день не нахожу себе места.

– Давай сделаем так: мы сейчас позавтракаем и пойдем на экскурсию, потом погуляем по парку, побродим по знаменитому лабиринту, осмотрим окрестности. Если и после этого твое настроение не улучшится, то мы сядем в машину и вернемся в Лондон. А там что-нибудь придумаем. Хорошо?

Аннелис утвердительно закивала головой. Генрих потрепал ее по щеке и поцеловал в губы.

– А теперь – завтракать. Гренки и кофе совсем остыли!

...Дворец Хэмптон-Корт на берегу Темзы в предместье Ричмонд с начала XVI века служил резиденцией английских королей. Его стены, заложенные могущественнейшим человеком своего времени, кардиналом Вулси, не раз были свидетелями и радости, и горя сильных мира сего. Однако кардинал, в какой-то миг почувствовав, что враги одолевают его интригами, принял решение преподнести дворец Генриху VIII в знак своей глубочайшей преданности, чтобы снискать монаршее признание. Принявший дар король создал в резиденции, построенной на манер итальянских палаццо эпохи Ренессанса, мрачное дыхание Средневековья. К началу XIX века дворец оказался заброшенным, но благодаря королеве Виктории, бывшая резиденция вновь ожила и открыла свои двери всем желающим.

– Леди и джентльмены! – торжественно произнесла сухонькая пожилая дама, одетая в тёмно-серый костюм, с элегантно повязанным вокруг шеи платком. – Добро пожаловать в уникальный дворцовый комплекс Хэмптон-Корт. Как никакой другой, он дышит историей, тайнами и загадками. Вместе со мной вы совершите замечательное путешествие в историю. Мы с вами познакомимся с образом жизни английских королей, начиная с XVI века и заканчивая началом XVIII века. Вы увидите интерьеры и узнаете о быте, ознакомитесь с бесценными королевскими коллекциями и, разумеется, портретами бывших хозяев этого роскошного дворца.

– Дорогая, посмотри, какие интересные башни... Что это там наверху?

– Печные трубы.

– Ты уверена? Как-то они не...

– Я точно в этом уверена, милый. В наше время так было модно строить.

– В наше время? – удивленно посмотрев на жену, переспросил Генрих.

– Я хотела сказать, в период Тюдоров... Мне мама рассказывала, – торопливо добавила Аннелис, желая поскорее прервать этот разговор.

Дело в том, что чем ближе они подходили к самому дворцу, тем сильнее ее охватывало странное волнение, подобное тому, что она испытала еще вчера при виде Хэмптон-Корта.

Гуляя по внутренним дворцовым помещениям, восхищенный Генрих то и дело указывал молодой супруге на те или иные вещи, которые, по его мнению, заслуживали особого внимания. Среди них были королевская кухня, погреба, где хранились сотни литров вина, пива и эля, охотничья галерея, королевские покои, часовня и, конечно же, уникальная коллекция гобеленов и шпалер. Но все эти древности Аннелис вовсе не радовали и не восхищали. Она то и дело оглядывалась по сторонам, рассеянно слушая экскурсовода, и совсем не обращала внимания на восторженные возгласы супруга. Порой ее охватывал пронизывающий холод, заставлявший

в то же время Аннелис трепетать от ужаса. В эти моменты ей казалось, что она слышит тихий, но отчетливый шепот, в котором были различимы только два слова:

– Она... она здесь... здесь... она здесь...

– А вот, обратите внимание: в этой галерее висят портреты бывших хозяев Хэмптон-Корта. Вглядитесь внимательнее в эти благородные величественные фигуры, и вы, безусловно, увидите, как тонко художники того времени передали образы и характеры владельцев дворца.

– Любимая, ну где ты ходишь? – удивился Генрих, глядя на Аннелис, шедшую позади всей группы. Молодая женщина то и дело испуганно оглядывалась назад. – Тебе неинтересно?

– Конечно, интересно, – пробормотала она, в очередной раз почувствовав, как холод сковал ее тело. Аннелис поежилась. – Просто здесь немного прохладно.

– Прохладно? – вытаращив глаза, произнес Генри. – Солнышко, на улице двадцать пять градусов тепла! Ты, случайно, не заболела?

– Нет-нет, – успокоила Аннелис мужа и, решив взять себя в руки, уверенным шагом направилась за остальной группой. Генрих внимательно поглядел ей вслед, пожал плечами и зашагал за ней.

– Вот, взгляните на эти портреты: это те самые несчастные дамы, велением судьбы-злодейки становившиеся женами одного из самых могущественных, великих королей. Он навсегда останется в истории как умный, талантливый, но взбалмошный и жестокосердный правитель... Вот портрет человека, одетого в парадный костюм. Это и есть Генрих VIII.

Аннелис, трепеща в душе, внимательно обводила взглядом портреты, подолгу задерживаясь у каждого из них. Дойдя до четвертого, она тихо вскрикнула от изумления: на нее смотрела женщина... точнее, тот самый призрак, которого она увидела накануне сидящим в кресле у себя в номере. Машинально переведя взгляд на следующий портрет, она едва не лишилась чувств. Это был портрет той самой молодой женщины, что приходила к ней во сне, а потом молила о помощи сегодня утром.

– Лисса, с тобой все хорошо? Ты так побледнела и вся дрожишь. Тебе холодно? – с тревогой в голосе поинтересовался Генрих.

– Посмотри сюда! – дрожащей рукой указала на портреты его супруга. – Именно их я видела вчера, ночью во сне и сегодня утром... Боже милостивый! Взгляни!.. Это портрет Анны Клевской... Помнишь, я сразу тебе сказала, что призрак, приходивший вчера, кого-то мне напоминает... Кого-то напоминает... Генри, посмотри. Если убрать головной убор и прикрыть лоб... Господи, так ведь это же... Я!

Тут сознание молодой женщины помутилось, и она погрузилась в странные, необъяснимые видения.

Глава 3

– Черт бы побрал этих женщин! – в сердцах вскричал Генрих VIII, бросая только что прочитанную депешу своего посланника при дворе испанского короля на стол. – Будь я трижды проклят, если что-то в них понимаю.

– Ваше Величество чем-то расстроены? – любезно осведомился его собеседник.

– Расстроен? Расстроен? – король стремительно подошел к низенькому тучному человеку и гневно взглянул на него. – Да я просто взбешен, господин Кромвель! Я, Генрих Тюдор, король Англии и Шотландии, самый завидный жених в Европе, а со мной обращаются, как с ничтожеством! И где это видано: отказывать королю. Мне... Да-да, господин Кромвель, вы не ослышались, – мне отказали. И причем дважды! И не просто отказали, а еще и насмехались надо мной!

– Не может такого быть, Ваше Величество, – отрешенным голосом проговорил Кромвель. – Возможно, Ваше Величество не так поняли...

– Что?! Не так понял? – взвился король. – Господин Кромвель, вы забываетесь. Ваша неограниченная власть, которую вы получили только благодаря мне, верно, вскружила вам голову? А, господин Кромвель?

Генрих испытывающим взглядом посмотрел на своего советника. Затем резко повернулся на каблуках и зашагал к массивному столу, сделанному из редкостной породы хвойного дерева. Король схватил послание и протянул его Кромвелю.

– Читайте, господин Кромвель, читайте. Может быть, вы и теперь скажете, что я что-то не так понял?

– «...Дорогой дядя, – начал читать советник. – Ваш посол доложил мне, что вы решили забыть все недоразумения, имевшие место между нами в столь деликатном деле, связанном с разводом с Екатериной Арагонской. И хотя я по-прежнему считаю, что вы поступили жестоко с моей теткой, все же решил протянуть вам руку дружбы, ибо это единственное мое желание. Я хочу, чтобы народы Испании и Англии жили в мире и согласии. Только так мы сможем защитить наши общие интересы и земли от французских предателей, заключивших позорный договор с Османской империей. Я, Карл V, император Священной Римской империи, предлагаю заключить долгосрочный союз между нашими странами...»

Томас Кромвель поднял глаза и вопросительно взглянул на Генриха.

– Простите мою пытливость, Ваше Величество, но что вас так огорчило? Разве вы не этого добивались? Разве вы не мечтали о сближении с Папой, когда посылали письмо в Испанию, выразив желание взять в жены дочь короля Карла?

– Томас, вы читайте дальше, – недовольно хмыкнул король, с трудом усаживаясь в кресло. Рана на ноге никак не заживала и причиняла королю и телесные и духовные страдания.

«...Однако, несмотря на наши дружеские взаимоотношения и сближение между нашими странами, дорогой дядя, я вынужден отклонить ваше предложение отдать в жены мою дочь, Марию Испанскую. Ей всего одиннадцать, поэтому Ваше Величество вряд ли будет гневаться на меня за мой отказ. Но чтобы хоть как-то сгладить горечь моего ответа, я мог бы посоветовать вам в качестве невесты мою племянницу, Кристину, герцогиню Миланскую. В настоящее время ей шестнадцать, но она уже два года как вдова. Могу вас уверить, что красота, ум и благочестие, а также недурное наследство ее покойного мужа, герцога Миланского, сделали ее самой достойной и желанной невестой в Европе...»

Кромвель во второй раз оторвал взгляд от письма и перевел его на хмурое лицо Генриха, продолжавшего молча сидеть за своим столом.

– Вероятно, Вашему Величеству следует последовать совету императора. Слух о красоте герцогини достиг многих дворов Европы... Позвольте, я наведу справки и пошлю к ней людей...

– Я уже это и без вас сделал, – буркнул король, бросив беглый взгляд на помощника. – Вы стали чересчур нерасторопны, господин Кромвель.

– О, Ваше Величество, если бы вы сразу же посвятили меня в ваши дела, то я...

– То вы, Томас, – властно оборвал его король, – поступили бы так же. Вы постарели и перестали угадывать мои желания.

– При всем моем уважении, Ваше Величество, вы ко мне несправедливы. Я всегда верно служил, служу и буду служить вам и Англии до последнего моего вздоха.

Лицо Генриха просветлело. Он с трудом поднялся и, прихрамывая, подошел к склонившему голову Кромвелю. Тот продолжал смотреть себе под ноги, не смея поднять глаз.

– Полно, Томас, полно. Я знаю вашу преданность и, что бы ни говорили другие, я полностью доверяю вам.

Король замолчал. В воздухе повисла гнетущая пауза, которую советник, немного помедлив, все же решился нарушить:

– Простите мою дерзость, Ваше Величество, но вы уже получили ответ от герцогини?

В глазах немолодого, дряхлеющего короля опять загорелся гневный огонь. Он вернулся к столу и, порывшись в бумагах, извлек еще одно послание.

– Вот, полюбуйтесь, что мне ответила мерзавка. Не будь она женщиной, я вызвал бы ее на поединок... Читайте, читайте!

Кромвель осторожно взял протянутый лист и пробежался по нему глазами.

– И что вы после этого скажете? Я преувеличиваю? Или я не так все понимаю?

– Но, Ваше Величество, возможно, она, таким образом, пытается привлечь вас...

– Господин Кромвель, – опять прервал его король, – вы мой советник, но сейчас вы несете новость что. Вы читали последний абзац? Ну же, Томас...

«...Ваше Величество, безусловно, оказал мне великую честь, предложив корону Англии. И я бы с радостью приняла столь бесценное подношение. Но, к несчастью, на моих плечах не две, а только одна голова, которой я очень дорожу. Поэтому я боюсь, что королевская корона будет для меня слишком тяжела. И судьбы ваших жен тому подтверждение: одна умерла практически в нищете, другой отрубили голову, а про последнюю королеву говорят, что, когда она родила наследника, вы вовсе забыли про нее, бросив на произвол судьбы. Учитывая вышесказанное, я вынуждена отказаться от столь завидной доли...»

– Как? Как она посмела обвинять меня во всех этих грехах? – ярость захлестнула Генриха. Перестав сдерживаться, он ходил по комнате и громил все, что ни попадалось ему под руку. – Как она посмела обвинять меня в нищете Екатерины? Это только упрямство довело ее до такого состояния. А Болейн? Разве не прошлая распутная жизнь и вечный обман привели ее на эшафот? А Джейн... – тут он запнулся. – Я любил ее, Томас. Ее душа, ее помыслы были чисты и невинны... Когда я умру, я хочу, чтобы меня похоронили рядом с ней.

– Уверен, Ваше Величество, вы еще не скоро попадете в мир теней.

Генрих промолчал. Он уже перестал ходить по комнате и остановился около окна. Заложив руки за спину, он некоторое время стоял молча, но потом повернулся и посмотрел на советника.

– Итак, господин Кромвель, где мне искать невесту?

– А вы действительно решили вновь жениться, Ваше Величество?

– Разумеется, Томас, – еле сдерживая гнев, ответил Генрих. – Англии нужен наследник.

– Но у Вашего Величества уже есть сын...

– Сын... Да, у меня уже есть сын, но, Боже всемогущий, он не крепче своей матери.

– Но мне говорили... – начал Кромвель.

– Перестаньте юлить, Томас. Вам и без меня известно, что Эдуард слаб. Даже несмотря на все предпринятые меры, я не смогу быть спокоен до тех пор, пока у меня не появится здоровый, крепкий сын. Не оставлять же престол дочерям... Итак, господин Кромвель, я повторю вопрос: где мне искать невесту, по вашему мнению?

– Не смею вам советовать, Ваше Величество, но после того, как вы подпишете договор с Испанией, король Франциск сразу же прервет всяческие отношения с вами.

– И что с того? Франциск уже не раз нарушал все договоренности с Англией...

– Да, но у него есть дочь, Маргарита Французская. По мнению нашего посла, она весьма недурна собой. Более того, этот союз крепко соединит нас с Францией. К тому же есть еще и Мария де Гиз, вдова герцога Лонгвиля. Поговаривают, будто бы она очень горяча...

– Хорошо, – немного поразмыслив, произнес Генрих. – Пошлите посла и моего художника к Франциску. Мне нужны портреты и подробное описание каждой, господин Кромвель!

– Ваше Величество, – советник с почтением поклонился и вышел, оставив Генриха в задумчивости.

– Господин Ловел, – обратился Кромвель к высокому худощавому человеку в огромной шляпе, оживленно о чем-то беседовавшему с епископом Уинчерским. – Простите, святой отец... Господин Ловел, – взяв его под руку и отойдя на приличное расстояние от епископа, начал советник. – Вам надлежит в самый короткий срок отправиться с господином Гольбейном во Францию, дабы засвидетельствовать почтение нашего короля своему брату. Также вам надлежит от имени короля Генриха VIII объявить о его желании сочетаться браком с одной из поданных короля Франциска. Господину Гольбейну необходимо написать портреты Маргариты Французской и Марии де Гиз с тем, чтобы они как можно скорее оказались в Англии.

– Как прикажете, господин Кромвель, – отвесив низкий поклон, ответил его собеседник.

– Но прежде чем вы поедете в Париж, вам нужно будет навести справки о девицах Клевских: Амелии и Анне. Я хочу знать о них все. Но главное: насколько простирается влияние их семейства в Европе и, в частности, в Шмалькальденском союзе, и как объединение Генриха и рода Клевских повлияет на реформы, которые мы проводим в стране. Вам все понятно?

– Да, милорд, все будет исполнено в надлежащем виде.

– Запомни: их портреты должны быть безупречны, так и передай Гольбейну. Да, кстати, об этом деле ни единая душа не должна знать, только вы и Ганс Гольбейн. Проговоритесь, – сами знаете, что вас ждет. Палачу все равно, сколько голов рубить и каких.

Многозначительно поглядев на побледневшего человека, Кромвель удалился.

– Дьявол, хитрый, хитрый дьявол, – пробормотал Томас Ловел, провожая взглядом удаляющегося советника. – Интересно, какую новую игру затеяло это бесовское отродье? Надо бы поосторожнее с ним. А то, не ровен час, и в Тауэре окажешься... Ладно, приказ есть приказ... И все же, что он задумал?

Глава 4

Старый охотничий домик в лесу Фонтенбло Франциск I постепенно превратил в великолепное произведение искусства. И хотя резиденция, для создания которой король Франции пригласил знаменитых итальянских мастеров Челлини и Приматиччо, еще не была до конца достроена, Франциск с удовольствием проводил там время, устраивая бесконечные балы и приемы, отдыхая от военных походов и политических интриг.

– Сэр Ловел, добро пожаловать во Францию, – любезно обратился Франциск I к вошедшему послу. – Чем мы обязаны столь неожиданному приезду? Не случилось ли какого-нибудь несчастья с нашим разлюбленным братом Генрихом?

– О, хвала Господу, нет, Ваше Величество, – отвесив низкий поклон, заверил короля посол. – Его Королевское Величество бодр и полон энергии и шлет этот дар в знак дружеского расположения к вам, сир.

Посол сделал знак слуге, и тот неспешно приблизился к Франциску, неся в руках шкатулку, всю усыпанную драгоценными камнями.

– Что здесь? – с любопытством осматривая ларец, осведомился Франциск.

Посол приоткрыл крышку и, с почтением поклонившись, отошел назад. На бархатной подушечке лежала изящная перламутровая солонка в форме корабля, не только отделанного золотом и изящно украшенного, но даже снабженного миниатюрным военным снаряжением: четырнадцатью пушками вдоль бортов и двумя на корме. Кроме того, можно было различить якоря в передней части корабля, а на корме была изображена богиня Фемида с мечом в правой руке и весами в левой. Король вынул солонку из шкатулки и с живым интересом начал рассматривать ее. По зале пронесся гул восхищения.

– Что ж, – удовлетворенный подарком, произнес Франциск. – Мы с удовольствием принимаем подарок Его Величества. Он свидетельствует о добром расположении Англии к нашему государству. В ответ можете заверить вашего короля, что Франция всегда будет заинтересована в дружбе с могущественным соседом и сделает все для поддержания мира между нашими странами.

– Тогда, Ваше Величество, позвольте вручить вам письмо, переданное моим королем, – с торжественностью в голосе проговорил сэр Ловел, протягивая пергамент.

Франциск подал знак слуге, чтобы тот взял письмо. Слегка поклонившись послу Англии, слуга церемонно преподнес послание Франциску I, уже выказывавшему явное нетерпение. Король вскрыл письмо и прочел текст, написанный твердой рукой, время от времени отрывая от него взгляд и испытующе всматриваясь в посла. С каждой минутой лицо короля становилось все суровее и суровее. Вскоре от бывшего благодушия не осталось и следа.

– Ваше превосходительство, – начал Франциск, спокойно глядя на сэра Ловела. – Нам льстит предложение вашего короля – взять в жены нашу дочь, но, как ни прискорбно, мы вынуждены отказать ему, несмотря на заманчивую перспективу навечно скрепить дружбу между Францией и Англией этим браком. Маргарита Французская еще очень юна.

– Но, Ваше Величество, ей уже шестнадцать лет, – мягко возразил посол. – Впрочем, если Ваше Величество против этого брака, то мой король не будет настаивать на нем. Смеем заметить, в ваших землях есть еще несколько достойных невест, и Его Величество желал бы познакомиться с ними поближе, если, конечно, на то будет ваше соизволение.

– Что значит «познакомиться с ними поближе»? Ваш король хочет их всех ощупать, а затем и оседлать, чтобы определить, чьи формы ему понравились больше всего? – усмехнулся Франциск, и все придворные разом залились смехом, поддерживая удачную шутку короля.

Щеки сэра Ловела покрылись пунцовым румянцем от гнева. Он прикусил губу и стал нервно тереть шляпу. Франциск поднял руку, призывая своих подданных к тишине.

– Передайте Его Величеству, – надменно проговорил король, вставая с трона, – что если в Англии и принято выбирать жен по формам, затащив их в постель, то во Франции действуют законы целомудрия, и мы не позволим подобными предложениями оскорблять наших подданных, сэр Ловел.

– Ваше Величество, – низко поклонился посол и быстрым шагом вышел из залы.

– Этот мужлан вконец потерял совесть и стыд, – возмущению Франциска не было предела. – И мы еще хотели породниться. Слава святому Михаилу, что брак между нашим сыном и дочерью этого вероотступника потерял силу... А что Карл? – король обратился к своему советнику, графу де Клермону.

– Насколько мне стало известно, он тоже отклонил предложение Генриха, но, в свою очередь, призвал заключить соглашение о долгосрочном мире между Испанией и Англией.

– И?.. – настороженно осведомился Франциск.

– Пока Генрих ничего не ответил на это дружественное предложение. Мне сказали, что он очень зол на Карла за пренебрежение, выказанное подобным отказом, и до сих пор не может простить ему дело с Екатериной Арагонской. Благодаря поддержке своего племянника, королева долго не давала согласия на развод, из-за чего пришлось начать церковные реформы в Англии.

– Что же, мой любезный Карл, тогда мы опередим нашего дорогого брата и сами заключим мир с Испанией, объединив два католических государства воедино. Мы думаем, король Карл не будет против того, чтобы преподать Генриху урок. Вместе мы – грозная сила и сможем противостоять Англии, государству еретиков и сатанистов.

– Ваше Величество, как всегда, правы, – ответил граф, слегка поклонившись. – Я сегодня же пошлю нашего посла в Испанию. Уверен, уже скоро Ваше Величество услышит добрые новости.

– Аминь, – величественно вставая с трона, закончил разговор Франциск.

Генрих с нетерпением ожидал вестей из Франции, и долго ждать ему не пришлось.

– Что ответил мой разлюбленный братец? – осведомился король, порывисто бросившись к входившему в кабинет Кромвелю, насколько позволяли ему больная нога и тучность.

– Ваше Величество, у меня дурные вести, – не глядя ему в глаза, начал советник.

Генрих сурово сдвинул брови. Он резко повернулся на каблуках и подошел к окну, за которым бушевала непогода, доставляя немало неудобств тем, кто в этот час оказался под открытым небом.

– Я жду, господин Кромвель, – недовольным голосом прервал затянувшееся молчание король.

– Я не смею, Ваше Величество, – нерешительно ответил Кромвель.

– Что это значит? – угрожающим голосом спросил Генрих. Он повернулся к советнику и бросил на него испепеляющий взгляд. – Что вы не смеее?

– Повторить то, что ответил король Франциск на ваше любезное предложение.

– И все же извольте, Томас... И не заставляйте меня ждать.

Тяжело вздохнув, Кромвель в мельчайших подробностях передал разговор посла с королем Франции, не забыв упомянуть о вероломстве Карла, согласившегося подписать в Толедо договор с Францией о мире и сотрудничестве. Генрих был вне себя от гнева. Он тотчас же приказал доставить посла в Тауэр и после вынесения приговора немедленно казнить. «За предательство сэра Ловела следует сначала повесить, а потом выпустить ему кишки и под конец отрубить голову, чтоб другим неповадно было так нагло изменять мне», – бушевал Генрих, круша все на своем пути. Король вообще славился своими бурными вспышками и был подвержен резким сменам настроения. Будучи чересчур неуравновешенным человеком, он часто выходил из себя и, поддаваясь эмоциям, переставал контролировать свои действия и поступки.

Кромвель, как никто другой, знал об этом и предпочитал молча сносить подобные всплески ярости. Наконец, Генрих немного успокоился и посмотрел на побледневшего Томаса.

– И что вы теперь мне посоветуете? Наши враги объединились и готовы в любую минуту объявить Англии войну. Мы не сможем защитить наши земли в одиночку.

– Вряд ли они пойдут на это, – возразил Кромвель. – Благодаря вашей умелой политике наша казна не пуста, да и флот готов в любую минуту отразить нападение. Но...

– Что «но», господин Кромвель?

– Я считаю, что всё-таки стоило бы подстраховаться, Ваше Величество.

– О чем вы, я не понимаю, – недоуменно глядя на советника, спросил Генрих.

– Вашему Величеству нужен союзник, а в лице Вильгельма Клевского вы найдете надежного соратника.

– Опять этот Вильгельм! – вновь было взорвался Генрих, но Кромвель его перебил:

– Простите, милорд, но Клевы – это не просто один из стариннейших родов в Европе. Они сторонники Шмалькальденского союза, день ото дня, набирающего силу в Европе. Благодаря браку с одной из его сестер вы сможете получить поддержку союза, а Англия, таким образом, – независимость от католических предрассудков. То есть этот союз поможет нам продолжать наши реформы, а вы укрепите свою власть над духовенством.

Король недоверчиво смотрел на советника и ничего не отвечал. Коварные замыслы его извечных врагов не нуждались в дополнительных подтверждениях. Короне решительно требовалась поддержка, и, по словам Кромвеля, женитьба на представительнице рода Клевских была единственным разумным вариантом.

– Хорошо, – после долгих раздумий произнес Генрих. – Пошли моего художника к Клевам, пусть нарисует портреты девиц.

– Уже сделано, Ваше Величество, – низко кланяясь, ответил Кромвель.

– А вы слишком быстры, Томас, – усмехнулся король, испытующе взглядываясь в склонившуюся перед ним фигуру советника.

– Ваше Величество уже как-то обвиняли меня в нерасторопности, – уклонился от прямого ответа Кромвель.

– Покажите! – властным голосом приказал Генрих, тяжело усаживаясь в кресло.

Томас Кромвель аккуратно положил портреты двух девиц на стол. Советник короля не стал вдаваться в подробности и скрыл, что Гольбейн, придворный художник, писал портреты не с живой натуры (ему так и не удалось увидеть девиц), а сделал копии старых портретов. Такое самоуправство могло стоить Кромвелю жизни, и советник знал об этом, но все же решил рискнуть.

Нельзя сказать, что дамы произвели хоть какое-то впечатление на Генриха. Внешность их совсем не соответствовала принятым тогда в Англии канонам женской красоты. Тяжело вздохнув, король отложил первый портрет и внимательно посмотрел на второй. На нем была изображена бледная изящная красавица лет шестнадцати, с роскошными длинными волосами, грустными глазами и чуть длинноватым носом. Тонкие губы придавали лицу некоторую строгость, но в целом в нем было нечто такое, что приковало внимание Генриха. Ганс Гольбейн изобразил на портрете добрую, нежную и романтическую особу, и король, как ему показалось, уловил в ней многообещающую, манящую тайну женственности.

– Вот эта вроде как покрасивее, а, Томас? Как вы считаете? – разглядывая портрет незнакомки, осведомился король у советника. – Как ее зовут?

– Анна, Ваше Величество.

– Анна... – глядя на портрет, в задумчивости произнес Генрих, душа которого требовала романтики. – Во что бы то ни стало добейтесь согласия на этот брак. И запомните, господин Кромвель: если что-то пойдет не так, головой за это ответите!

– Как прикажете, Ваше Величество...

Если бы Кромвель знал, что слова короля станут для него пророческими, то наверняка не стал бы настаивать на этом союзе. Но, увы, никому не дано заранее знать о своем будущем...

Глава 5

Религиозные перемены захлестывали Европу. Католический мир рушился на глазах, несмотря на все попытки Папы обуздать еретиков. Казни и гонения самых активных проповедников нового учения только подливали масла в огонь. Посеянные ими зерна уже дали обильные всходы. Антикатолически настроенные прихожане и их лидер Мартин Лютер решительно осуждали, прежде всего, упадок нравов в самой Римской церкви и неумные аппетиты Папы Римского, желавшего полностью подчинить себе светскую власть.

Открытое противостояние началось в 1520 году, когда Лютера, написавшего 95 тезисов, поддержал саксонский курфюрст Фридрих Мудрый. В Германии начались мятежи и смуты, на словах сурово осуждаемые Лютером. Но в то же время он всячески поощрял конфискацию церковных земель, погромы католических храмов и монастырей, уничтожение католической церковной утвари и изгнание лояльных Риму священников.

Благодаря Лютеру и его проповедям, в которых он открыто осуждал индульгенции¹ и обличал Римскую церковь в превышении полномочий (говоря, например, о присвоенном ею эксклюзивном праве прощать грехи), протестантство в начале XVI века стало не только духовным, но и политическим движением, охватившим Европу. Встревоженный Рим начал наступление, но Реформацию было уже не остановить. Волна протестантизма охватывала все новые и новые государства, где верующие были готовы с оружием в руках защищать свое право на новую организацию духовной жизни. Англия была в их числе...

...Новая резиденция герцога Клевского, по сравнению со Шваненбургом, пришедшим в упадок после переезда хозяина и всего его двора, была не столь роскошной, да и откровенно требовала ремонта. Но воспитанный в строгости и приученный к максимальной рачительности, Вильгельм Клевский счел такой переезд правильным и своевременным. Более того, переехав в родовой замок в Дюссельдорфе, он рассчитывал превратить этот захудалый городок в центр либерального католицизма, где процветали бы гуманитарные науки. История показала, что Вильгельм Клевский – человек неординарный, талантливый и наделенный незаурядными способностями – сумел воплотить в жизнь задуманное.

После роскоши английского двора и собственных владений и Кромвель, и английский посол в Германии Кристофер Монт (чьей задачей было договориться о заключении брачного союза между Генрихом VIII и Анной Клевской) были поражены аскетичностью замка, открывшейся перед их взорами. Англичане сочли такую простоту дурновкусием. Да и сам двор Вильгельма выглядел безнадежно отсталым (именно так его потом описывали английские послы). Несуразные, сшитые из грубого материала платья женщин и мужчин, на их взгляд, выглядели нелепо, а отсутствие утонченных манер делало придворных герцога в глазах англичан чуть ли не варварами.

Герцог Клевский, в свою очередь, встретил послов весьма и весьма прохладно. Молча выслушав их, он резким тоном заявил, что ему нужно время для обдумывания столь щекотливого дела. Ждать послам пришлось около месяца. Каждый раз Вильгельм находил все новые и

¹ Освобождение грешника от временной кары за грехи, уже отпущенные ему в таинстве исповеди. Практика продажи индульгенций решительно осуждалась Лютером, согласно которому спасение достигается «только верою» – sola fide.

новые отговорки и отклонял всякие попытки урегулирования этого столь важного для Англии вопроса. Генрих, торопивший Кромвеля в своих бесконечных письмах, начал уже выходить из себя из-за этой вынужденной волокиты. Наконец, из-за нависшей угрозы физической расправы, которой грозил король, если тот не получит ответа в ближайшие дни, Кромвель перешел в решительное наступление.

– Ваше Высочество, – дипломатично начал Томас Кромвель, – мой король, в чьем лице вы всегда найдете доброго соседа и союзника, не раз уже предлагал руку и сердце вашей сестре Анне. Он был бы крайне рад, если бы вы, оценив по достоинству его стремление соединить два старейших в Европе рода, вскоре дали согласие на этот брак. Его Величество готов в знак дружеского расположения отказаться даже от приданого вашей сестры. Он не желает, чтобы между ним и госпожой Анной возникали хоть какие-то препятствия для заключения священного союза.

– Отказаться от приданого? – на лице герцога отразилось крайнее изумление. – С чего бы это король Генрих решил так расщедриться?

– Желание поскорее повести под венец госпожу Анну, а также чувства, которые он питает к вашей сестре, сделали моего короля до такой степени великодушным.

– Это похвально, – удовлетворенно проговорил Вильгельм, внимательно вглядываясь в осунувшееся лицо советника. – Однако я склонен думать, что не только эти причины заставляют английского короля торопиться со свадьбой. Союз Испании и Франции ставит под угрозу безопасность Англии. Без поддержки союзника ваш король может в любую минуту лишиться если и не короны, то части земель.

– Не буду скрывать, Ваше Высочество, мы действительно надеемся на вашу поддержку, а также на поддержку Шмалькальденского союза. Объединение наших извечных врагов усилило позиции сторонников Папы в Европе.

– Что ж, ваш король хороший стратег, – холодно заметил герцог и замолчал, хмуро переводя взгляд с одного посла на другого. Последовало напряженное молчание. Наконец, он вновь заговорил, делая акцент на каждом слове: – Я долго размышлял над нашим вопросом и пришел к такому выводу: так как не существует никаких препятствий к этому браку, то я даю свое согласие на него. Передайте вашему королю, что не позднее чем через месяц госпожа Анна прибудет в Англию, где и предстанет перед ним в качестве невесты. Чтобы подтвердить наши намерения, мы немедленно подпишем все соответствующие документы.

Облегченно вздохнув, Кромвель и остальные послы склонились в низких поклонах. Самое сложное было позади. Но, несмотря на это, Томаса не оставляли тревожные думы: а что, если невеста вовсе не такая красавица, какой ее представил живописец? Вдруг художник, которому Кромвель дал задание приукрасить портрет, перестарался? Ведь ни советнику, ни послам так и не удалось рассмотреть лицо будущей королевы Англии во время приема: лицо Анны скрывала густая вуаль, а само платье было настолько бесформенным, что оценить фигуру девушки также не представлялось возможным. Но хуже всего было другое: будущая королева совершенно не знала английского языка! А если госпожа Анна не понравится королю? Если он, Кромвель, ошибся в выборе? Вот эти и многие другие вопросы не выходили из головы советника. Он изо всех сил старался отогнать мрачные предчувствия. Тем не менее они изо дня в день преследовали Томаса, омрачая дух и отнимая много сил, а их и без того оставалось все меньше и меньше...

...Тем временем в доме герцога Вильгельма начались сборы и неизбежно сопутствующая им суматоха. Через месяц госпожа Анна должна была предстать перед королем Англии в качестве невесты, а затем стать и законной женой Генриха VIII, одного из самых загадочных и известных королей Европы.

– Я понять не могу: почему он выбрал тебя, Анна, в качестве жены? – удивленно пожимая плечами и убирая шитье, проговорила мать будущей королевы Мария Клевская, наследница и дочь герцога Юлих-Бергского. – Ни красотой, как твоя сестра Сибилла, ни умом, как твоя сестра Амелия, ты не отличаешься.

– Мама, но зачем вы так? – обиженно проговорила Анна, уязвленная до глубины души. – Если король счел меня достойнее Амелии, значит, такова его воля. Видимо, он увидел во мне то, чего не видите вы.

– Не смей так со мной разговаривать! – воскликнула Мария, вскочив со стула. – Ты еще не покинула дом, а уже дерзишь мне! Я с самого начала была против этого брака и, как выясняется, не зря. Не забывай, кто я! Твой брат вечно мне перечит, изыскивая выгоду для себя. Вот и сейчас ему вздумалось поддержать этого еретика, короля Англии!

Герцогиня Клевская разошлась не на шутку. По своей натуре она была своенравной, деспотичной женщиной, не терпящей возражений и не допускавшей непослушания. К тому же герцогиня была яркой католичкой и не сочувствовала реформам, которые вначале с радостью принял ее отец, а затем поддержал и муж. Поэтому вольнодумец Генрих, объявивший себя главой англиканской церкви и полностью отмежевавшийся от римской курии, вызывал у нее негодование. К тому же дом Клевоов переживал не лучшие времена, и она, имевшая в роду немецких принцесс (о чем герцогиня постоянно всем напоминала и требовала соответствующего отношения к своей особе), была вынуждена во всем себя ограничивать. В то время как Генрих, английский еретик, устраивал бесконечные пиршества, охоты и другие многочисленные развлечения, она, принцесса Юлих-Бергская, не могла себе позволить даже отремонтировать дворец в Дюссельдорфе.

Эта обрюзгшая, тучная женщина, в чьем облике еще улавливались отголоски былой красоты, бросила гневный взгляд в сторону дочери и нахмурилась. Анна действительно не была красавицей: высокая, тощая и с длинноватым носом, несколько портившим девушку. Из-за постоянных окриков и одергиваний Анна из живого, задорного, хотя и слегка своенравного, ребенка превратилась в робкое существо с затравленным выражением лица и испуганными серыми большими глазами. Единственным несомненным ее достоинством были роскошные золотистые волосы, волнами ниспадавшие на плечи двадцатичетырехлетней девушки. Ни образованием, ни познаниями Анна не блистала. Известная как женщина твердых принципов, герцогиня Клевская отрицательно относилась к самой идее давать широкое образование принцессам, которые должны были, по ее мнению, находиться подле мужа, своего господина, безропотно подчиняясь ему. Правда, при этом сама герцогиня не следовала этому золотому правилу, доводя молчаливого супруга своим властным характером до бешенства. Но дочерей она воспитывала в строгости, и больше всех доставалось Анне, – ее герцогиня как-то невзлюбила с самого рождения.

Конечно, нельзя было сказать, что Анна была глупа и совсем ничего не умела. Под руководством матери она научилась очень хорошо вышивать, шить и, более того, в отличие от своих сестер, могла вести даже конторские книги. Но эти достоинства не принимались в расчет, и герцогиня, будучи уверена, что из этого гадкого утенка, который только и делает, что дерзит матери, ничего толкового не выйдет, всячески подчеркивала недостатки дочери. Ничего удивительного, что в итоге девушка выросла молчаливой и нерешительной особой, хотя в душе сохранила почти детскую живость, игривость и любознательность.

– Тебе следовало бы проявлять побольше почтения, моя дорогая, – продолжила разговор герцогиня, немного успокоившись. – Бери пример с Амелии. Более достойную дочь трудно себе представить: и старательная, и экономная, и послушная. А умница-то какая! Удивительно,

и почему король... Но что сделано, то сделано. Главное, чтобы ты не опозорила весь наш род. Хотя о чем я говорю! – посетовала она. – В этой голове и аса² здравомыслия нет.

– Мама, зачем вы так! – воскликнула Анна и, схватив свое шитье, выбежала из комнаты.

– Что я говорила, – пожалала плечами герцогиня, обращаясь к Амелии. – Ни воспитания, ни уважения. Все старания пропали даром. А я занималась ею и днем и ночью, не щадя здоровья и не жалея времени, а где благодарность? Где она, я вас спрашиваю?.. Не переживай, моя радость, у тебя еще лучше будет жених. Мамуся постарается. Главное, помни: никогда не перечь мне!..

...Анна вбежала в свои покои и, закрыв дверь, бросилась на кровать и разрыдалась. Ну почему? Почему мать постоянно унижает ее? Чем она так не угодила герцогине? Что ни слово, то удар хлыста, что ни взгляд, то острое жало. Она изо всех сил старается быть прилежной, послушной, постоянно пытается угодить ей. А герцогиня всегда делает вид, что ничего не замечает.

И действительно, положение Анны в доме ее матери было удручающим, несмотря на то, что в последние годы изо всех детей герцогиня именно Анне уделяла больше всего времени, стараясь обуздать характер дочери. Рожденная вслед за Сибиллой, старшей из детей Иоганна III, наследника графства Клевского, и Марии Юлих-Бергской, Анна стала нежеланным ребенком: ждали наследника. С раннего детства девочка была изгоем. Ей практически совсем не уделяли внимания. А уж когда довольно быстро родился наследник, родители об Анне и вовсе забыли: мать занималась воспитанием старшей дочери и сына, а отец – делом всей своей жизни: династическим объединением всех унаследованных герцогств. Отданная на попечение нянек девочка росла маленьким сорванцом. Желая привлечь к себе внимание, Анна каждый день придумывала все новые и новые проделки. Наконец, герцогине надоели жалобы на дочь, и она решила сама вплотную заняться ее воспитанием. Анна добилась своего, но... вскоре пожалела об этом. Жизнь девочки превратилась в бесконечную череду унижений и попреков. На глазах сестер и брата девочку постоянно высмеивали и ругали за любые мелочи. Но самым обидным было то, что мать упрекала ее в глупости. Но за что? Анна никогда не отказывалась учиться чему-нибудь новому. Она умела читать и писать, правда, только на немецком. Девушка не раз просила мать позволить ей изучать еще какой-нибудь язык, однако герцогиня всегда была против образования. Она запрещала своим дочерям читать светскую литературу или учиться игре на музыкальных инструментах, говоря, что эти занятия годятся только для падших женщин. Танцы, всяческие настольные игры были также запрещены герцогиней, считавшей, что это глупости, не достойные принцесс...

Анна немного успокоилась и, сев на кровать, вытерла платком мокрое от слез лицо. Девушка взяла со стоящего у изголовья столика зеркало и посмотрела на свое отражение. Да, не красавица, но таких живых голубых глаз, задорного характера и очаровательной улыбки нет во всем королевстве. Анна еще раз взглянула в зеркало. Ничего, скоро у нее начнется новая жизнь, совсем не похожая на эту, где к ней дурно относятся все, кроме сестры Сибиллы. И ей больше не нужно будет выпрашивать деньги на мелочи (мать каждый месяц выдает не больше двух пфеннигов, да и то при этом постоянно упрекает ее в расточительности). А что она может купить на эти деньги? Посмотрев на свои почти полностью уложенные сундуки, девушка тяжело вздохнула. Как она покажется перед королем? В чем? В ее гардеробе числилось всего пять чудовищного покроя платьев, да и те все были жуткого коричневого оттенка. Герцогиня говорила, что это самый выгодный цвет ткани: на нем не видна грязь. Анна посмотрела на шкапулку, переданную ей послами от короля Англии. Там лежала изумительная брошь, сделанная в виде цветка из разноцветных драгоценных камней. Никогда ей не делали столь прелестных и дорогих подарков, хотя отец, в отличие от матери, временами баловал Анну. Девушка встала

² Старинная немецкая малая мера веса, составлявшая менее тысячной части фунта или марки.

с кровати и, подойдя к столику, открыла крышку шкатулки. Наделенная природным чутьем и вкусом, Анна решительно покачала головой. Нет, такую изумительную вещь невозможно надеть ни на одно ее платье. Будь что будет... Принцесса подошла к окну и посмотрела на двор, по которому сновали слуги. «К брату опять приехал советник короля... господин Кромвель, кажется. Но зачем? А вдруг король передумал жениться? О, это было бы ужасно! Хотя сама свадьба меня пугает больше. Что происходит в первую ночь? Мама никогда не разговаривала с нами на эту тему, говоря, что это безнравственно и скверно. Я спрашивала у брата, но он только ухмыльнулся, пообещав мне райские кущи. Что это за кущи?... Поговаривают, что у короля уже было три жены. Одну он сослал в монастырь или еще куда-то, где она умерла в нищете, другую обезглавил, а третья умерла родами... Нет, нет, нет... Надо гнать дурные мысли из головы. Все будет хорошо. Король обязательно полюбит меня! Я буду во всем ему послушна и буду делать все, что он скажет. Но проблема в том, что я почти не говорю по-английски... Господин Кромвель обещал, что во время пути у меня будет учитель, и я смогу немного подучить язык. Надеюсь, что так оно и будет, и английский язык окажется несложен. Иначе как я смогу понять то, что будет говорить мне король? Скорей бы уже отъезд! И я наконец-то вырвусь на свободу!»

Глава 6

Но отъезд, всей душой ожидаемый Анной, все откладывался. Брачный контракт был уже давно подписан, и Англия, а главное, король ждали новую королеву. Однако люди, которые должны были составить свиту принцессы Анны и сопровождать ее, никак не могли решить, каким образом невеста будет добираться до новой родины.

– Чего медлят эти немцы? – нахмурив брови, Генрих сердито взглянул на советника. – Вильгельм Клевский нарочно тянет время, я уверен.

– Ну что вы, Ваше Величество, не думаю, что это так, – опустив глаза, ответил Кромвель. – Все документы подписаны, и принцесса готова отправиться в путь. Вот только... – советник замялся.

– Что еще случилось? – король оторвал взгляд от бумаг, которые он самым тщательным образом изучал, несмотря на все возрастающую боль в ноге.

– Герцог Вильгельм настаивает, чтобы его сестра была доставлена в Англию сушей, так как длительное морское путешествие может причинить ей большой вред.

– Вздор! – отбросил бумаги Генрих. – Как несколько дней плавания могут навредить принцессе? Эти сухопутные крысы ничего не понимают ни в мореходстве, ни в море. Это же романтика! Представьте, господин Кромвель... Среди бела дня на корабль нападают разбойники. Они готовы потопить его и захватить в плен прекрасную принцессу. В ее трепетной груди сердце сжимается от страха. Она молит о пощаде, взывает к Господу в поисках защиты. Кажется, уже нет спасения! И тут появляется мой корабль «Мэри Роуз». Он несется на всех парусах, торопится освободить прекрасную незнакомку... И вот уже вступает в неравный бой с пиратами. После продолжительного сражения мы буквально выхватываем из рук бандитов девицу. Она встречает своего спасителя словами благодарности, со слезами на глазах. Клянется в вечной любви и обещает быть верной и преданной женой до конца дней... Что вы об этом думаете, господин Кромвель? Я ведь еще не слишком стар, чтобы совершать подобные безумства?

– Нет, конечно, Ваше Величество. Но не стоит забывать, что через несколько дней начнется зима, и шторма будут частыми гостями пролива, отделяющего Англию от Европы. Стоит ли так рисковать?

– Эх, Томас, Томас, вы постарели. И хотя я тоже не молод и не так ловок, как раньше, я всё-таки еще могу мечтать... Хорошо, что предлагают немцы? Каков их план?

– Они собираются отправиться по суше до Кале, Ваше Величество.

– А если император Карл будет против этого?

– Не думаю, милорд. По имеющимся у меня сведениям, император уже дал письменное согласие герцогу Вильгельму, где говорится, что он не будет препятствовать приезду принцессы Анны в Кале. Более того, он намеревается предоставить охрану на непредвиденный случай.

– Что ж, – разочарованно буркнул Генрих, чьи мечты в одночасье рухнули, – если император столь любезен, то не будем пренебрегать его милостью... Да, кстати, герцог уже подписал договор о союзе между нашими странами? Вы утверждали, что как только брачный контракт будет подписан, он тотчас же подпишет соответствующие бумаги. Что вы молчите, господин Кромвель?

– Ваше Величество, герцог пока не подписал договор. Дело в том, что...

– Почему он медлит? – прервал Томаса король. – Я и так сделал для него слишком много. Оказал честь его семье, выказав желание сочетаться браком с его сестрой, да и к тому же не потребовал за ней приданого. Разве этот шаг не доказывает наше доброе расположение к нему и его народу?

– Конечно, милорд, вы правы. Но герцог решительно настаивает, чтобы соглашение между нашими странами было подписано только после заключения брачного союза с его сестрой Анной.

– Нет, каков наглец, – в сердцах вскричал Генрих. – Если бы не реальная угроза со стороны Испании и Франции и их объединенные флотилии, которые со дня на день могут появиться у наших берегов, я был бы не прочь преподать урок этому зарвавшемуся гусю.

Король с трудом поднялся и медленно прошелся по комнате, погрузившись в тягостные раздумья. Злейшие враги Англии, за долгое время его правления уже не раз вероломно предававшие Генриха, совместно вынашивали новый план. Им явно не терпится отобрать завоеванные Англией земли и восстановить католическую власть на всей ее территории. Папа Римский так и не смог смириться с вероотступничеством Генриха и церковной реформой, проводимой в его государстве, и всяческими способами пытается вернуть английские земли в сферу своего влияния. Папа в очередной раз отлучил короля от церкви и тайно подговаривает своих приверженцев объединиться и совершить нападение на владения еретика. К тому же приходится подавлять частые восстания недовольных шотландских баронов, не желающих подчиняться и принимать законы Англии. Да, Кромвель прав: им необходим такой сильный соратник, как Шмалькальденский союз. А значит, придется полностью подчиниться желанию герцога Вильгельма Клевского. Пока подчиниться...

– Хорошо, господин Кромвель, – наконец промолвил Генрих. – Если герцог на этом настаивает, так тому и быть. А вы уверены, что члены союза поддержат нас в случае опасности?

– В этом нет сомнений, Ваше Величество, – невозмутимо ответил Томас Кромвель, – я в этом полностью уверен.

– А вы так же уверены в том, что принцесса Анна обладает всеми теми достоинствами, которые изобразил Гольбейн?

– Безусловно, ее красоту и добрый нрав хвалят все, кто имел возможность видеть принцессу Анну и иметь удовольствие общаться с ней. Ваше Величество сделали хороший выбор. Англия в лице принцессы обретет достойную королеву, – отвесив легкий поклон, произнес советник.

Генрих самодовольно улыбнулся. Похвала советника была приятна. Король действительно долго искал подходящую невесту, и вот теперь он женится не только в угоду политике, а еще и по велению сердца, в котором после долгих дней одиночества вновь вспыхнуло пламя любви и надежда, что он в конечном итоге обретет долгожданное счастье. У него будет не только боготворимая возлюбленная, но и наследник, о котором Генрих мечтал больше всего на свете. Черные дни останутся позади, а впереди – только радость и веселье. Воодушевленный радужными мечтами о предстоящем браке, король совершенно забыл о Кромвеле, замершем у рабочего стола Генриха в ожидании дальнейших распоряжений. Но в отличие от короля, мечтавшего о светлом будущем, Кромвель предчувствовал бурю, которая, возможно, будет стоить ему головы. Ведь ни одному человеку (за исключением придворных герцога Клевского) так и не удалось увидеть лица будущей королевы Англии. Но все эти сомнения меркли перед выгодными перспективами, которые этот брак сулил лично Кромвелю. Реформы реформами, но благодарность лондонского торгового люда, получающего после подписания соглашения о союзе большой новый рынок сбыта, уже увесистым грузом лежала в сундуке советника. Ради такой суммы можно было и рискнуть.

– Вы еще здесь, господин Кромвель? – спросил Генрих, прервав нерадостные думы пребывавшего в сомнениях Томаса.

– Я жду ваших распоряжений, милорд, – произнес Кромвель, сосредоточившись на делах короля.

– После, Томас, все после. Распорядитесь, чтобы герцог Саффолк тотчас мне сообщил, когда принцесса ступит на английскую землю. Да, и еще, завтра я хочу собрать Совет, чтобы

обсудить мою предстоящую свадьбу. Я в нетерпении, Томас, и волнуюсь, как незрелый мальчишка. И это в моем-то возрасте! Но годы берут свое, как это ни печально. Иногда я начинаю сомневаться: смогу ли я еще полюбить? Очарует ли меня прелестница? Сможем ли мы в любовном порыве вознестись в рай наслаждений, наполнив наши тела сладкой истомой?

– Ваше Величество, вы преувеличиваете, когда говорите о возрасте, – слегка улыбнувшись, возразил Кромвель. – Вы еще достаточно молоды и полны сил.

– Да полно, Томас. Раньше я мог без усталости гнать коня по полям и лесам, предаваясь любимому развлечению – охоте, или сражаться, не зная страха, на поле брани. Никому не удавалось победить меня в поединке... А сейчас? Бесконечная ноющая боль в ноге сводит меня с ума. Но любовь вылечит мой недуг. Смотри-ка, я снова готов к новым подвигам: мысли о моей возлюбленной притупляют боль, а желание жжет мою плоть, отвлекая от нее... Поторопите их, Томас. Англия вновь должна увидеть своего короля счастливым.

– Я сделаю все, что пожелает мой король, Ваше Величество... – учтиво поклонился в ответ Кромвель и, испросив дозволения, вышел из кабинета, терзаемый дурными предчувствиями.

И, увы, они не обманули этого умного и чрезвычайно проницательного человека. Темные тучи, сулившие большие несчастья не только советнику Генриха VIII, но и всем тем, кто по его воле стали марионетками в политической игре, уже начали сгущаться над горизонтом, и изменить что-либо было уже не под силу никому. И хотя бытует мнение, что человек – творец своей судьбы, но в какие-то моменты спорить с неизбежностью бесполезно. Колесо фортуны крутится быстрее мельничного, и тот, кто еще вчера был наверху, завтра может упасть в разверзнутую бездну...

Глава 7

Свита, готовящаяся сопровождать невесту Генриха в Англии, с нетерпением ждала будущую королеву в Кале. Все было уже подготовлено к приему гости, но приезд немецкой принцессы и ее сопровождающих по неизвестным причинам все время откладывался.

Тем временем погода начала портиться. Ветер, дувший с Атлантики, начал усиливаться, и это обстоятельство очень встревожило адмирала Саутгемптона, возглавлявшего делегацию. В своем письме герцогу Саффолку, по приказу короля ожидавшему принцессу Анну на другом берегу, он сообщил, что непогода может надолго задержать их в Кале. Узнав эту безрадостную новость, король приуныл. Но что было делать: рисковать жизнью Анны он не мог, поэтому оставалось только ждать.

Однако возможность оказаться заложниками ненастья не была главной темой, обсуждаемой свитой. Дни сменялись ночами, неделя шла за неделей, а новостей из Дюссельдорфа не было. Сгорая от любопытства, придворные строили домыслы и предположения.

– Говорят, принцесса Анна очаровательна, – хвалили будущую королеву одни.

– Говорят, что посол Германии сравнил ее красоту с Луной, – вторили другие.

– Говорят, ее манеры безукоризненны, – продолжали возвышать принцессу третьи.

Однако были и такие, кто полностью игнорировал восхваления немецкой принцессы. Многие из свиты продолжали тайно придерживаться католической веры и в появлении юной невесты-протестантки видели только признак усиления власти Кромвеля и продолжения Реформации.

– Вы все преувеличиваете, – возражали они. – Она груба, уродлива, да еще и глупа. Недавно герцог Вильгельм Клевский не подписывает соглашение о союзе до брака, понимая, что его сестра вряд ли понравится королю.

– Что вы такое говорите? – спорили сторонники реформ и Кромвеля. – Наш король, да дарует ему Господь долгие годы, с благоговением говорит о новой избраннице. Стал бы он, после стольких неудачных любовных историй, влюбляться в ограниченную особу с уродливым личиком и отвратительными манерами?

Досужие сплетни, разносимые придворными и прислугой, с каждым днем обрастали все новыми и новыми подробностями, а опровергнуть их или доказать их справедливость, увы, пока никто не мог. Оставалось только ждать...

...Наступило одиннадцатое декабря 1539 года. Низкие свинцовые тучи стремительно неслись по небу, не давая ни единого шанса даже самому тоненькому солнечному лучику пробиться сквозь густую пелену облаков. Но ни ледяной порывистый ветер, ни пробиравший до костей холод не могли заставить толпу людей, собравшуюся на Рыночной площади и растянувшуюся вплоть до епископского дворца, вернуться в свои теплые жилища. Еще вчера гонец, присланный сопровождением принцессы, сообщил о скором прибытии будущей королевы Англии в Кале.

В те времена Кале, или как его называли в Средние века англичане, Калезия, был еще английской территорией, последним оплотом Англии в континентальной Европе. Захваченный в 1346 году английским королем Эдуардом III французский город вплоть до 1558 года был английским анклавом на территории Франции. Англичане до такой степени гордились этой победой, что впоследствии сделали даже надпись над главными воротами Кале: «Кале будет французским лишь тогда, когда железо и свинец станут плавать как пробки». Со временем Кале снискал славу «самой яркой жемчужины английской короны» и приносил немалый доход английской казне.

Через несколько лет после описываемых событий Англия, увы, потеряет свою драгоценность, но пока город и его жители еще ничего не подозревали о грозивших им переменах и пребывали в радостном волнении, предвкушая предстоящее торжественное событие...

Придворные, разодетые в пух и прах, с раннего утра не находили себе места от носившегося в воздухе возбуждения и то и дело посылали во двор слуг, боясь пропустить появление принцессы.

Ближе к полудню со стороны площади послышались восторженные крики. Простой люд тепло приветствовал невесту короля, от всей души желая ей долгих лет и скорейшего рождения наследника. И вот, наконец, возле дворца остановилась шестерка мощных черных лошадей ганноверской породы. Все придворные прильнули к окнам и... вздох разочарования прокатился по зале: принцесса была так сильно укутана в накидку, что рассмотреть ее лицо и фигуру не представлялось возможным.

– Принцесса Анна сердечно благодарит всех за прием, оказанный ей, – объявил граф Герхард Берг, один из провожатых невесты. – Однако она нуждается в отдыхе и просит простить ее.

– О, конечно, мы понимаем, – учтиво улыбнувшись, ответил адмирал Саутгемптон, обменявшись взглядом со стоящим рядом Джоном Дадли, военным комендантом и губернатором Кале. – Дорога утомила принцессу. Тем не менее не передадите ли вы госпоже Анне приглашение на званый ужин, который будет устроен сегодня вечером в ее честь? Надеюсь, принцесса почтит нас своим присутствием.

– Я сделаю все возможное, – отозвался немецкий граф и, слегка кивнув головой, с достоинством удалился.

Придворные переглянулись. Странное поведение принцессы, не пожелавшей по приезде предстать перед своими будущими подданными, а сразу изъявившей желание подняться в отведенные ей покои, наводило на определенные мысли. Что-то здесь было не так. Но что – пока никто из присутствующих ответить не мог. С приездом принцессы Анны вопросов только прибавилось.

Ответ же был крайне прост: будущая королева Англии находилась в смятении. Попросту говоря, Анна очень боялась показаться перед всеми этими людьми. При отце, а потом и при брате она почти не бывала в обществе. Весь круг общения юной принцессы был ограничен ближайшими родственниками и несколькими слугами. В свои двадцать четыре года Анна оставалась крайне наивным созданием, не умевшим ни плести дворцовые интриги, ни кокетничать, ни уверенно вести себя в светском обществе, подобно другим молодым кавалерам и дамам, привыкшим к дворцовой жизни. Таких девушек в обществе называли простушками и не особо жаловали при дворе...

– Вы видели их?.. Вы передали мою благодарность адмиралу Саутгемптону? – осведомилась принцесса, бросив быстрый взгляд на советника брата, графа Берга.

– Да, госпожа Анна, я ему передал ваши слова. Только... – тут советник замялся.

– Что «только»? – широко распахнув глаза от испуга, спросила она.

– В его глазах я прочитал изумление и одновременно разочарование.

– Я надеюсь, адмирал правильно воспринял мое желание уединиться после долгой дороги. Завтра я...

– Простите, что перебиваю вас, госпожа Анна, но вы приглашены на званый ужин сегодня вечером. И, к сожалению, отказаться от него вам вряд ли удастся. Этикет, госпожа...

– Но... но... как я пойду? Я... я... я не знаю, как одеваются для таких ужинов, как ведут себя на них. На меня все будут смотреть! Надо будет о чем-то говорить, но о чем? Я знаю язык очень плохо!.. – запаниковала Анна.

Она стремительно вскочила со стула и заметалась по комнате. Советник слегка улыбнулся и по-отечески мягко взглянул на ее растерянное личико.

– Госпожа Анна, послушайте меня, – начал он. – Мне уже много лет, и мне кажется, я имею право дать вам совет (или считайте его наставлением), который, наверно, дал бы ваш отец, если бы он дожил до этих дней... Я понимаю ваш страх. Вас вырвали из привычного мира, вы испуганы. Все кажется необычным, а порой и странным. Вас готовили к второстепенной роли в этой жизни, а по воле судьбы вам предстоит стать королевой государства с большой историей, своими нравами и законами, отличными от наших. И чем быстрее вы все узнаете о своей новой родине, чем быстрее поймете ее и научитесь жить по ее правилам, тем легче вам будет приспособиться к изменившимся условиям. Мир, с одной стороны, прекрасен и наполнен радужными мгновениями, но с другой стороны – полон коварства, злости и зависти. Не будьте слишком наивной, полагая, что вас будут окружать только друзья, но при этом оставайтесь такой же доброй и внимательной, какой я вас знаю с самого детства. Не перечьте королю, он не терпит возражений, остерегайтесь интриг, а их обязательно будут плести недоброжелатели. Увы, этого не избежать... Госпожа Анна, хотя вас и воспитали в крайней строгости и не дали образования, потребного для того, чтобы стать супругой короля, вы умная и хваткая девушка. Наблюдайте, учитесь, будьте терпеливой и спокойной. И тогда ваша жизнь превратится в сказку с хорошим концом... А теперь переодевайтесь, нас ждут...

Глава 8

– Доктор, что с моей женой? – попытался выяснить Генрих Тейлор у врача после того, как тот осмотрел Аннелис. – С ней никогда такого не было... Мы только поженились, и это наше свадебное путешествие... Видите ли, мы совсем недавно вернулись из Африки. Может быть, так проходит акклиматизация?

– Возможно, вы правы, но мне кажется, причина не в этом, – уклонился от прямого ответа врач, которого вызвала служба безопасности музея. Он внимательно поглядел на девушку, все еще находившуюся без сознания. – Вы можете мне рассказать о ее самочувствии во всех подробностях с того самого дня, как вы приехали в Англию? Может быть, вы заметили что-то необычное в ее поведении, то, что вашей жене не свойственно? Может быть, она на что-то жаловалась или что-то ее тревожило? А может быть, у нее были какие-то травмы головы или наследственные заболевания мозга?

Молодой человек пожал плечами и отрицательно покачал головой.

– Да нет, кажется, все было, как обычно. Видите ли, у нас были весьма напряженные последние полгода в Руанде. Много работы, стрессы (мы работаем в Красном Кресте, помогаем обездоленным и больным людям), частые переезды, скудное питание, накопившаяся усталость.

– Находясь в Африке, ваша жена болела какими-либо инфекционными заболеваниями? – осведомился врач, копаясь в своей сумке в поисках нашатыря.

– Вроде нет, – неуверенно сказал Генри. – Кажется, что нет, доктор. По крайней мере, она мне ничего такого не рассказывала.

– Как долго вы знаете друг друга?

– Около года... Я могу с точностью сказать, что ни я, ни другие люди никогда не наблюдали за ней подобных странностей. Я бы знал...

– А ее родные? Не было никаких психических заболеваний в ее семье? – продолжал расспросы врач. Ему никак не удавалось привести в чувство бедную Аннелис.

– Я не могу быть уверенным на сто процентов. А почему вы об этом спрашиваете? Что вы имеете в виду? – Генрих поглядел на доктора с неподдельным удивлением.

– Я, конечно, могу поставить только предварительный диагноз, – неуверенным голосом начал доктор.

– И?..

– Мне кажется, у нее психическое расстройство, выраженное... Нет-нет, не переживайте, – поспешил добавить врач, увидев, как побледнел молодой человек. – Почти восемьдесят процентов населения имеют тот же диагноз. Современный образ жизни в мегаполисах приводит к хроническому стрессу. Многие не обращаются к врачам вовремя, и тогда процесс необратим. Что касается вашей жены, господин Тейлор, то для постановки более точного диагноза я рекомендую поместить вашу жену в нашу клинику, где лечение заболеваний психики проводят специалисты, имеющие высшую квалификацию и солидный опыт. Поверьте, господин Тейлор, они прекрасно разбираются не только в психических проблемах, но и в других болезнях.

– Вы полагаете, что ее нынешнее состояние может быть вызвано каким-то серьезным заболеванием? – поинтересовался Генрих, недоверчиво поглядев на врача.

– В большинстве случаев при лечении психических расстройств наша терапия основана на тщательном изучении основных психосоматических признаков. Ведь нередко психические заболевания больных являются патологическим дополнением к нарушениям работы всего организма пациента. Например, у человека имеется ряд заболеваний, о которых он даже не догадывается. А впоследствии именно они и становятся главной причиной психических отклонений. У меня был клиент, чья затяжная депрессия постепенно начала переходить чуть ли не

в фобию. Когда стали досконально изучать его случай, оказалось, что у него были серьезные проблемы, связанные с пищеварительной системой. А у другого пациента были сердечно-сосудистые заболевания. А вот еще один случай...

– Это все очень интересно, – перебил врача Генрих, бросив на него сердитый взгляд. – Но в данном случае меня больше волнует моя жена. И я бы попросил вас воздержаться от демагогии.

– Да, да, да, конечно, – засуетился доктор и, набрав номер клиники, вызвал машину «Скорой помощи».

– Мы тебя обязательно вылечим, дорогая, – с нежностью глядя на Аннелис по-прежнему лежавшую без сознания, прошептал Генрих и, склонившись над женой, поцеловал ее в губы. – Что бы ни случилось, я буду рядом...

...Закрыв за собой дубовую дверь комнаты, Анна медленно села на кровать и тяжело вздохнула. Никогда еще принцессе, за все годы ее жизни, не доводилось испытывать такой усталости: и физической, и моральной, – как за один этот вечер. «Господи, неужели все закончилось? Клянусь, большего страха и ужаса я еще никогда не испытывала! Как они смотрели на меня! Как... как на диковинного зверька, как будто я сказочное существо из другого мира. А ведь так оно и есть: они совсем другие. Как красивы эти изящные дамы, одетые в ослепительные наряды. Как изысканны и галантны их кавалеры. Они нисколько не скованны в своих поступках или словах. На их фоне я ужасна! Я почти не знаю их языка, не танцую, не пою и не играю ни на одном музыкальном инструменте. Я мало читала и совсем не видела мира. Как король может полюбить такого гадкого утенка! Мать была права: я ни на что не гожусь». Анна упала на подушки и залилась горькими слезами, проклиная тот день, когда Господь даровал ей жизнь.

В одном будущая королева точно была права: она была совершенно другая. Анна не обладала грацией, миниатюрностью или изяществом, присущим дамам английского двора. Она была довольно-таки высокого роста и несколько худощава, но при этом хорошо сложена. Однако увидеть красоту ее фигуры под нелепым платьем грубого немецкого кроя было трудно. Роскошные золотистые волосы принцессы, отливавшие бронзой, были туго заплетены в косы и уложены в виде короны на голове. Увидев входившую в залу принцессу, собравшись, чтобы выразить свое почтение, придворные короля, губернатор и знатные горожане Кале были несколько обескуражены. Сама Анна находилась почти в полуобморочном состоянии от страха, сковавшего ее и полностью скрывшего истинную сущность этой прелестной девушки.

– Мы рады приветствовать вас, принцесса Анна, в Кале, – отвесив низкий поклон, нарушил общее молчание адмирал Саутгемптон. – Надеюсь, вам понравились ваши покои, и вы хорошо отдохнули с дороги.

– Я есть рада здесь быть, спасибо, – несмелым голосом по-английски ответила Анна. – Комната есть хорошая. Я была отдохнуть хорошо.

Увидев удивление на лицах придворных, принцесса покраснела и в смущении опустила глаза.

– Граф Берг, прошу вас, – вполголоса произнесла она, – передайте адмиралу мою сердечную признательность за все, что он и другие для меня сделали. И извинитесь от моего имени за мой английский. Я сделаю все, чтобы в ближайшем будущем этот язык стал мне родным, а сама Англия вторым домом.

– Конечно, госпожа Анна, не переживайте, – кивнул головой старый советник и с достоинством перевел слова принцессы.

По зале пронесся одобрительный шепот, и гости радостно заулыбались. Многие понимали всю трудность положения принцессы и видели, с каким достоинством (достоинством истинной королевы, как отметили про себя некоторые гости) принцесса держится. Увидев,

что напряженность перестала витать в воздухе, принцесса добродушно улыбнулась, и тут все заметили, как озорные огоньки заиграли в ее глазах, а на порозовевших щечках появились ямочки. Принцесса буквально преобразилась на глазах, превратившись почти в красавицу. «Этому алмазу нужна хорошая огранка и наилучшая оправа», – удивленный такой переменой, подумал адмирал Саутгемптон, внимательно рассматривая принцессу.

Остаток вечера прошел в атмосфере раскрепощенности и легкости для гостей, но, увы, не для Анны. Привыкшие к подобным увеселениям, придворные непринужденно болтали, шутили и смеялись. Анна, плохо знавшая язык, ничего не понимала и чувствовала себя не в своей тарелке, так как не могла участвовать в общей беседе. Казалось, о ее существовании вообще забыли: никто из присутствующих не обращался к ней (впоследствии Анна узнала, что по этикету она должна первая заговаривать со своими подданными), не бросил даже взгляда мельком. И только адмирал и сидящая напротив леди Лайл из вежливости, как показалось девушке, задали несколько вопросов. Но даже с этими людьми Анна была вынуждена, после нескольких попыток заговорить по-английски, общаться через графа Берга. В ходе этих распросов выяснилось, что будущая королева Англии из всех умений овладела только способностью вышивать и вести домашнее хозяйство.

– Но, госпожа Анна, этого недостаточно, чтобы жить при дворе, – воскликнула с удивлением леди Лайл. – Будущая королева должна уметь очень многое. Наш король любит веселье, танцы, костюмированные праздники, театральные представления, женщ... карты, в конце концов.

Адмирал бросил суровый взгляд на леди Лайл, и та густо покраснела.

– Что есть карты? – Анна, плохо знавшая язык, так и не поняла, что дама едва не проговорила о единственной серьезной слабости могущественного короля.

– О, это такая игра, которую очень любит король.

– Тогда я хотеть учиться, – с готовностью проговорила Анна, решившая обучиться всему тому, что нравится королю.

Граф Берг удовлетворенно кивнул. Принцесса Анна прислушалась к его советам. И хотя он сам не любил игру, но был прекрасно осведомлен, что король просиживал ночи напролет за картами, часто проигрывая приличные суммы.

– Если принцесса позволит, то я научу ее этой занятой игре, – слегка поклонившись собеседнице, вызвался адмирал Саутгемптон. – А леди Лайл, если вы, конечно, не будете против, напишет своей дочери, чтобы та помогла найти для вас учителей пения и танцев.

– Нет, нет, нет, – быстро проговорила принцесса. – Я не есть не хотеть... О, граф Берг, – умоляюще сложа руку, прошептала Анна. – Скажите господам, что я очень хочу всему научиться. Мне будет интересно узнать, чем живет мой будущий муж и будущая родина. Поэтому я согласна с предложением адмирала Саутгемптона.

Граф Берг перевел слова Анны, и леди Лайл, а за ней и адмирал удовлетворенно закивали головами. Такая готовность принцессы (которую они вначале сочли едва ли не дурочкой) учиться, говорила о наличии ума и ясного понимания проблемы, заключавшейся в том, что девушка, несмотря на внешнюю привлекательность и даже богатый внутренний мир (что, кстати, мало интересовало короля), была явно не во вкусе Генриха. И старый вояка, и пожилая леди поняли это с первых минут знакомства с будущей королевой. «Если девица хваткая, она быстро всему научится. Вот только помогут ли ей эти знания покорить Генриха? Я почему-то думаю, что в любовных играх она совсем не опытна. Что скажет король? После стольких неудачных браков и любовных интрижек, трудно представить, что сейчас нужно Генриху. Но я полностью уверен в одном: простушек король не любит!» – размышлял адмирал, провозжая взглядом принцессу, сославшуюся на усталость и изъязвившую желание отправиться в свои покои. «Она определенно мила и очень добра, – в тот же вечер в письме, адресованном дочери леди Анне Бассет, поделилась новостями леди Лайл. – Принцесса Анна благородна и

весьма хороша собой. Более того, она скромна и хорошо воспитана. Поверь, моя дорогая, прислуживать ей будет очень приятно. Единственный минус принцессы заключается в том, что она слишком наивна и совершенно ничего не понимает в дворцовых интригах. Молю Бога, чтобы у нее хватило ума не вмешиваться ни во что. Иначе беды не оберешься... Я еще совсем не знаю принцессу, но мне почему-то уже жаль девочку. О моя дорогая, тебе же известно мое чутье. Леди Джейн может подтвердить, что я не раз предсказывала события... Помнишь, я заклинала ее, умоляя, чтобы она не отпускала мужа на охоту? Так вот, он тогда упал с лошади и сильно повредил колено. После этой поездки граф лежал в постели больше месяца. Он и посейчас хромотает... О чем это я? Ах, да... Так вот: мое чутье подсказывает, что немало горя и бед падет на голову этой бедной немецкой принцессы из-за ее неопытности и неосведомленности. Помяни мое слово...»

Глава 9

Встреча короля с будущей женой, вопреки ожиданиям самого Генриха, состоялась только через месяц. Случилось то, чего больше всего опасался адмирал: шквалистый холодный ветер, сопровождаемый проливными дождями, усилил волнение на море, поэтому нечего было и думать продолжать путешествие в Англию. Так или иначе, но принцессе пришлось почти две недели провести в Кале, чем она и воспользовалась, чтобы немного подучить язык и научиться играть в карты. Леди Лайл вызвалась ввести ее в курс дворцовых дел, чему Анна была весьма рада. За короткое время, благодаря дружелюбному характеру и открытости, девушка сумела расположить к себе большую часть придворных. Они, конечно, подшучивали над ней, а иногда и злословили о наивности принцессы и незнании ею этикета, но стоило только Анне войти в залу и улыбнуться, как даже самые злостные сплетники королевства смолкали, ибо добродушная и искренняя улыбка обезоруживала и их...

...Итак, отъезд откладывался на неопределенное время. Генрих негодовал, сгорая от нетерпения и любопытства, но ничего не мог изменить. Приходилось ждать более благоприятных условий для продолжения пути. Только 27 декабря 1539 года погода позволила Анне и ее свите (причем ее соотечественникам, по распоряжению короля, было запрещено далее следовать за госпожой) отплыть в сторону Англии, где будущую королеву должен был встретить герцог Саффолк с супругой. Оставшись совсем одна среди чужих людей (Анне не разрешили взять с собой даже служанку), девушка вначале впала в уныние. Чувство одиночества разом поработило ее волю. Она смотрела на удалявшуюся за кормой землю, и слезы текли по ее бледному личику, так как она предчувствовала, что уже никогда не увидит родины. Лежа в постели, она долго не могла заснуть, перебирая в памяти все события своей жизни. «Если нельзя изменить мир, попытайтесь измениться сами, госпожа, – напутствовал ее граф Берг в последние минуты перед отплытием. – И если вы не в состоянии изменить судьбу, найдите в ней нечто положительное и наслаждайтесь тем, что послал вам Господь». Это были последние слова умудренного жизненным опытом советника, которые она услышала, уже стоя на корме флагманского корабля. И принцесса до конца своих дней запомнила этот день, ибо в ту же минуту она навсегда и окончательно распрощалась со своей прошлой жизнью и родной Германией. Проснувшись на следующее утро, принцесса Анна твердо решила, что будет неукоснительно следовать советам графа, даже если придется переступить через себя...

Плавание по беспокойному морю заняло три дня. Все это время Анна, обладавшая отменным здоровьем и спокойно переносившая тяготы морского путешествия, провела в полном одиночестве, если не считать тех редких минут, когда адмирал Саутгемптон навещал принцессу. Ни леди Лайл, которую всю дорогу мучила мигрень, ни другие спутники не удостаивали Анну своим вниманием. Впрочем, принцесса, с трудом преодолевая застенчивость и к тому же плохо знавшая язык (теперь она осталась без графа Берга, служившего ей переводчиком), и сама не стремилась к тесному общению. Ей нужно было время, чтобы внутренне собраться и быть готовой приспособиться к другой жизни, к новому статусу, к обычаям и порядкам незнакомой доселе страны. Все вокруг разительно отличалось от того, к чему она привыкла с детства.

Впоследствии Анне, обладавшей острым умом и выдержанным характером, удастся снискать расположение почти всего двора. И, узнав об уготованной ей участи, многие даже будут сочувствовать несчастной королеве. Но никто и никогда даже не догадывался, чего стоило принцессе, а потом и королеве, просто выжить и не пропасть в тех обстоятельствах, что со всей неумолимостью судьбы уже вплотную приблизились к девушке...

– Когда же моя невеста будет в Лондоне? – раздраженным голосом спросил Кромвеля Генрих. – Я сгораю от любопытства и желания прижать мое сокровище к груди.

– Герцог Саффолк прислал донесение, из которого следует, что принцесса останется еще на несколько дней в Рочестере. Дороги так размыло ливнями, прошедшими в последние дни, что они стали непригодными для езды в карете.

– Непригодными для езды в карете... – отрешенно проговорил король и замолчал, погрузившись в раздумья. После минутной паузы на его одутловатом лице появилось озорное выражение, а в глазах запрыгали чертенята. Эти искорки не предвещали ничего хорошего. – Где не смогут проехать кареты, там без труда проскачут верховые лошади... Прикажите оседлать моего коня, господин Кромвель.

– Но, Ваше Величество, боюсь, что ваш лекарь не позволит вам совершить столь трудное (учитывая ваше нынешнее состояние) путешествие.

– К черту лекаря, к черту ваши предостережения, Томас, – взорвался Генрих, не любивший, когда ему возражали. – Я хочу поскорее увидеть мою будущую женушку. Хочу вдохнуть аромат ее чудесного тела, поцеловать в алые уста, взглянуть в те томные глаза, которые снятся мне уже не одну ночь. Время тянется слишком медленно, и я не намерен более ждать, господин Кромвель. Коня, и немедленно!

Томас Кромвель прекрасно знал Генриха и понимал, что тот не изменит решения. Поэтому пришлось подчиниться. Смутное беспокойство, несколько притупившееся со временем, вновь охватило советника. Наступал роковой час. Король должен был встретиться с таинственной принцессой, которую и сам Кромвель видел только издали, да и то под плотной вуалью и одетой в безобразного покроя платье...

Небольшой отряд, возглавляемый грузным человеком, во весь опор несся по размытой дороге. Лошади то и дело спотыкались, но всадники и не думали снижать скорость. Никто и ничто не могло задержать кавалькаду из девяти человек, ибо так решил король, невзирая на открытую рану в ноге и постоянную боль, мчавшийся к заветной цели. Невыдержанного и сумасбродного короля дерзкий характер заставлял постоянно совершать необдуманные поступки. Некоторые из них были на благо Англии, но многие приводили к катастрофическим последствиям. Так, например, нежелание Папы Римского признать брак Генриха с Екатериной Арагонской недействительным привело к тому, что английский король объявил английскую церковь независимой от римской курии. Начались гонения на католических священников и монахов; естественно, не обошлось без многочисленных жертв. Начавшаяся с недовольства короля Папой Римским, эпоха Реформации в Англии принесла монархии абсолютизм и полностью подчинила английскую церковь воле короля. Но столь необдуманные поступки были свойственны Генриху только тогда, когда дело касалось женщин. В политике и в делах государства король был более осмотрителен и расчетлив. Его природный ум, железная хватка, умение делать правильные выводы в любой ситуации и прозорливо выбирать себе советников превратили Англию в одну из самых могущественных держав того времени. Он был настоящим правителем эпохи Возрождения: самоуверенным, бесстрашным и прекрасно образованным. Генрих хорошо разбирался не только в дипломатии: он знал иностранные языки, недурно играл на лютне и арфе, был сведущ в медицине. При этом обладал недюжинной силой: никто в Англии не натягивал тетиву лука с такой мощью, как это делал Генрих; более того, редко когда смельчак, не побоявшийся бросить вызов королю, уезжал с поединка самостоятельно. Но женщины были слабой стороной влюбчивого короля, его неутомимая натура требовала все новых и новых побед. Но не только распущенность короля заставляла его искать новых любовных приключений (кстати, общество и церковь, как и во все времена, не поощряли и не одобряли безнравственность и неразборчивость в любви, но и не считали это чем-то особенным). С одной стороны, душа Генриха требовала романтики и пикантных развлечений, но с другой стороны, вопрос о престолонаследии, как дамочков меч, висел над его головой и не давал покоя. Тучному немолодому вдовцу, сохранившему, правда, еще былую привлекательность, нужна была королева, способная стать не только женой, матерью его наследника,

но и изощренной любовницей. Поэтому, не дождавсь официального представления немецкой принцессы ко двору, Генрих, преодолевая неотступную боль, помчался навстречу своей судьбе, желая поскорее увидеть ту, кто должна была воплотить наяву все его грезы.

Но, как обычно в жизни и бывает, мечты при столкновении с реальностью хорошо если просто бледнеют, а не разбиваются вдребезги. Редкая мечта становится целью настолько ясной, чтобы ее можно было воплотить, приложив волевое усилие, да и тогда недремлющее око судьбы непременно внесет свои коррективы...

Глава 10

Анна стояла около окна и внимательно, как казалось находившимся рядом с ней фрейлинам, которых король определил в услужение к будущей жене, наблюдала за зрелищем, организованным герцогом Саффолком в честь прибывшей несколько дней назад принцессы. Однако по ее отрешенному лицу, лишенному всякого выражения, трудно было понять: нравится ей представление или нет. Ни единого слова или жеста: казалось, у окна стоит каменное изваяние, одетое в нелепое платье коричневого цвета. По поводу ее гардероба дамы уже успели позлословить, нелестно отзываясь о вкусе принцессы. Но что было делать Анне? Несколько новых туалетов, заказанных еще в Кале, пока не привезли, поэтому приходилось терпеливо сносить косые взгляды, которых было предостаточно. И речь шла не только о гардеробе: незнание этикета не прощалось светом. Это со временем Анна станет законодательницей мод, признанной обладательницей безукоризненного вкуса и изысканных манер, к тому же тонко разбирающейся в искусстве. Ей будут подражать, просить ее совета. Но пока у окна стояла достаточно перезрелая, по тем временам, девица (а будущей жене Генриха было ни много ни мало двадцать четыре года), настоящий гадкий утенок, не умеющий ни вести себя, как истая королева, ни одеваться, как истинная модница.

Глядя на бой быков, специально для нее устроенный во дворе епископского дворца, где принцесса остановилась, Анна напряженно вспоминала разговор, произошедший между ней и леди Лайл накануне. Как уже говорилось ранее, умудренная опытом дама вызвалась посвятить «немецкую дуреху», как она называла Анну про себя, во все тайны английского двора. Леди Лайл (первая сплетница королевства) рассказывала о дамах и кавалерах, об их пристрастиях, победах и промахах, пороках и слабостях. Потом разговор плавно перешел в иное русло. Принцесса хотела все знать о короле, своем будущем супруге. Леди Лайл во всех подробностях обрисовала достоинства Генриха: его ум, талант и красоту. Но когда Анна прямо спросила о бывших женах, дама замялась и попыталась сменить тему разговора.

– Госпожа, к чему эти разговоры? Главное, король свободен и хочет жениться на вас.

– Но я хочу знать, леди Лайл. Почему вы не говорите? Это есть тайна? Я слышать дома, что он убить *alle Frauen*. Они умереть все?

– Так оно и есть, госпожа Анна, – тяжело вздохнув, произнесла дама, – но он не виновен в их смерти, как говорят в Европе.

Скрыв некоторые подробности, рассказчица поведала Анне о судьбе несчастных женщин.

– Леди Лайл, скажите, если я не понравиться король, он убить меня? – Анна внезапно прервала свою собеседницу на полуслове.

– Почему вы так решили, госпожа Анна? – немало удивилась леди Лайл. – Наш король добр и милосерден.

– Вы рассказать мне, что он оставить первую жену умирать, вторую убить, третья снова умереть. Я быть следующий?

– Ну, полно, госпожа Анна, что вы такое говорите! – пробормотала леди Лайл, поспешно складывая свое шитье. – Что за вздор! Король полюбит вас, как любим вас мы. Дайте ему только время узнать, какая вы на самом деле. Не всегда человека можно узнать сразу. Будьте терпеливой, и тогда вы станете самой счастливой женщиной на свете!

Внезапный шум, раздавшийся из-за закрытой двери, прервал ее воспоминания. Не успела она повернуться, как в комнату буквально ворвались несколько человек в темных, перепачканных дорожной грязью одеждах и в масках, скрывающих их лица. Ближе всех к Анне оказался высокий грузный человек, величавый и уверенный в себе, несмотря на чрезмерную полноту. Он бросил быстрый взгляд на находившихся в комнате женщин. Две дамы были ему

знакомы, а вот третью, одетую в уродливое платье, король видел впервые. «Я же запретил принцессе брать с собой слуг. К чему подобное пугало при дворе», – недовольный увиденным зрелищем, подумал Генрих. Однако, не желая тратить драгоценное время на какую-то служанку, он галантно поклонился и, протянув шкатулку, произнес:

– Король просил передать госпоже Анне подарок. Позовите ее, я хочу вручить его лично принцессе!

Фрейлины, увидев вошедшего в зал мужчину, сделали глубокий реверанс. Ни у кого не было сомнений, что перед ними король, любивший романтические выходки, а еще больше театральные розыгрыши. Поэтому подобный маскарад и желание остаться инкогнито не смогли обмануть никого... кроме Анны, не искушенной в подобных играх. Она молча продолжала стоять у окна, с удивлением рассматривая вошедшего мужчину. В воздухе повисла неловкая пауза. Фрейлины исподтишка косились на Анну, изумляясь ее невежеству, а сопровождавшая Генриха небольшая свита переглядывалась в недоумении. Что же касается самого Генриха, то он вдруг почувствовал себя не в своей тарелке, повисшая пауза подействовала на него угнетающе. Не желая более оставаться в неведении, король собрался было повторить приказ, как внезапно чучело (так он называл про себя странное несурзное существо в коричневом) вдруг проговорило:

– Я... Я есть Анна. Это есть мое имя...

Удивившийся Генрих после минутного колебания уверенным шагом приблизился к Анне и, внезапно схватив ее за талию, резким движением притянул принцессу к себе. Потом взглянул в ее голубые глаза и, не говоря ни слова, поцеловал девушку в губы. Несказанно поразившись, Анна отпрянула от него, как от прокаженного.

– Вы не мочь это делать! Nein, nein! Was machen Sie? Kommen Sie bitte nicht zu mir!³

– Я хочу только передать вам подарок, принцесса Анна, – обескураженный таким поведением Анны, ответил король. Он попытался приблизиться к ней еще раз, но Анна только отмахнулась и отвернулась к окну.

– Боже, до чего она глупа! – прошептала леди Лисли, наклонившись к фрейлине, стоявшей подле нее.

– Она ужасно несообразительна, – вторила ей леди Brenton, многозначительно глядя на собеседницу. – Как можно было не догадаться, что перед нею стоит король!

– Невежда!

Будущей королеве был вынесен однозначный вердикт. А тем временем король, которого нелепость этой ситуации начала не на шутку раздражать, резким движением сорвал с себя маску и плащ и предстал перед ошеломленной Анной во всем своем величии.

– О Ваше Величество! – воскликнула принцесса в растерянности и сделала самый неуклюжий реверанс, какой только видел король в своей жизни.

Генрих поморщился, но, взяв себя в руки, подошел к принцессе и легким взмахом руки попросил ее подняться.

– Госпожа Анна, я рад приветствовать вас в своем королевстве, – оглядывая ее тем временем с головы до ног, невозмутимо начал король. – Надеюсь, долгое путешествие не доставило вам неудобств? Вы не устали?

От страха и смущения Анна не могла выдавить из себя ни единого слова. Да и что было отвечать, когда она почти ничего не поняла из того, что сказал король. А признаться в этом Анна боялась. Поэтому принцесса молчала, потупив взор. Генрих в растерянности оглянулся и недоуменно посмотрел на людей, сопровождавших его.

– С вами хорошо обращаются? Вы всем довольны? – продолжил расспрашивать король, уже еле сдерживая гнев.

³ Нет, нет! Что вы делаете? Пожалуйста, не приближайтесь ко мне! (нем.)

– Ja, ja, – поспешила ответить Анна, разобрав последние слова короля. – Все быть хорошо. Я быть рада в Англию приехать. Я быть хорошо... Спасибо, Ваше Величество.

Плохое владение английским языком, неуклюжесть будущей жены и ее далеко не миниатюрная фигура (а Генрих в зрелые годы предпочитал изящных женщин с утонченными чертами) вызвали в нем неприязнь. А омерзительный балахон, надетый, как он впоследствии выразился, на бесформенную башню, и вовсе охладил его пыл. Генрих был разочарован. Его надежды на счастливый брак с любимой женщиной и обретение долгожданного покоя разбились в пыль.

– Госпожа Анна, надеюсь, что в скором времени я буду иметь счастье приветствовать вас в Лондоне. Все ожидают вашего приезда с нетерпением.

– Спасибо, Ваше Величество, – тихо проговорила принцесса, слегка поклонившись. – Люди быть хорошие в Англии. Я... была их любить.

– Я уверен, они тоже вас полюбят, – ироничным тоном ответил Генрих. Он был зол на себя, но еще больше на Кромвеля, посоветовавшего выбрать эту немецкую корову. «Боже, и с этим пугалом мне придется делить ложе. Б-р-р-р, – поежился от одной только мысли король. Затем он еще раз окинул подавленную Анну взглядом и подытожил: – Свадьбы не будет!» Он хотел уже развернуться и уйти, но, заметив крайнее смущение принцессы и слезы на ее глазах, немного смягчился. «В конце концов, надо дать ей еще один шанс. Кто знает, может, в этой серой мышке живет страстная, огненная обольстительница... Сейчас бедняжка напугана, это видно невооруженным глазом. Возможно, она не так уж и ужасна, как показалось вначале. Ведь увидел же в ней что-то художник, когда рисовал тот портрет, лишивший меня сна и заставивший примчаться сюда на крыльях любви, будь она проклята... Ох, до чего ноет чертова нога!»

Решив повременить с окончательными выводами, Генрих указал Анне на кресло подле камина и пригласил ее присесть.

– Спасибо, Ваше Величество, – простодушно ответила принцесса на любезность.

Генрих только хмыкнул и тяжело опустился в соседнее кресло, выставив вперед больную ногу.

– Расскажите о себе, госпожа Анна, – начал разговор король, стараясь говорить как можно медленнее, чтобы собеседница понимала, о чем ее спрашивают. – Вы прожили в Дюссельдорфе всю жизнь?

– Nein, Ваше Величество, – тщательно выговаривая каждое слово, отозвалась Анна. – Мы жить в замке Шваненбург. Мой отец был умереть, и мы приехать в Дюссельдорф.

– Я никогда там не был. Это красивый город?

– Oh ja. Die Stadt ist sehr schön⁴! – с жаром произнесла принцесса. При воспоминании о родном городе у нее загорелись глаза. Генрих с удивлением отметил про себя произошедшую метаморфозу. «А она вроде ничего. Пожалуй, в ней что-то есть. Ишь, как глаза блестят».

– Простите, Ваше Величество, – виновато произнесла Анна, опустив глаза, в которых опять появились слезы. – Мой английский не хороший... Мой город есть очень красота.

– А чем принято заниматься у вас при дворе? Как вы проводите время? Какие у вас там развлечения? – поинтересовался Генрих больше из вежливости, нежели из любопытства.

– Развлечение? – переспросила Анна, не поняв, о чем идет речь. – Что есть «развлечение»?

– Что вы делаете, когда вам скучно?

– Мы гуляем, читаем Библию, шьем... а-а-а, забыть, делаем счет.

– И все? – изумился Генрих. – А как же музыка, пение, танцы?

– Моя мама говорить, что это есть грех... большой грех. Человек играет и поет, он есть сатана. И танцы есть грех тоже. Плохие люди мочь танцевать только.

⁴ О да! Прекрасный город! (нем.)

– Ну, если эти занятия только для сатаны, то тогда я – само исчадие ада, – расхохотался Генрих. Нелестные слова, сказанные будущей женой о его любимых занятиях, весьма разве-селили короля. Его смеху вторили все находившиеся в зале люди, что несказанно озадачило Анну.

– А что вы скажете о театре, моя госпожа? – вдоволь насмеявшись над собственной шуткой, спросил ее собеседник.

– Моя мама говорить, что театр есть плохо тоже. Люди не мочь лгать и иметь не их лица.

– Моя мама, моя мама... а сами вы что думаете? – язвительно осведомился Генрих.

– Я... я... Я не знаю, – покраснев, ответила Анна.

Да и что еще она могла сказать в ответ, если за всю жизнь ни разу не видела ни одного театрального представления?

– Значит, – подводя итог изрядно наскучившей ему беседы, подытожил Генрих, – вы ни петь, ни играть на музыкальных инструментах, ни танцевать не умеете? – В нем еще теплилась надежда, что Анна, несмотря на принципы своей матушки, всё-таки чему-то обучена.

– Nein, Ваше Величество, – слезы покатались из ясных глаз принцессы; она была уже не в состоянии их сдерживать. Так стыдно ей еще не было никогда. Под пристальным взглядом тучного короля, от которого разлило потом и запахом гноившейся раны, она чувствовала себя лошадью, придирчиво выбираемой на базаре. Но преодолев свои чувства, она подняла голову и с гордостью произнесла:

– Я умею карты играть – дурак.

– Кто дурак? – Генрих нахмурил брови и сверкнул глазами. Придворные недоуменно переглянулись. – Я дурак?

– Oh nein, – испугавшись гнева короля, пролепетала Анна. – Это есть игра дурак... Игра иметь имя дурак.

Генрих сердито взглянул на побледневшую невесту с потухшим взором и затравленным выражением лица.

– Хорошо... Ну, а собак ваш братец, небось, много держит? Я слышал, он отличный охотник. Они, наверно, заполонили весь дворец?

– Собаки живут не дома. Моя мама говорить, это есть плохо. Собаки быть болезнь...

– Все, довольно! – рывкнул король и вскочил с кресла. Его глаза метали молнии. – Госпожа Анна, я узнал все, что хотел узнать. Прощайте!

Генрих стремительно вышел из зала; за ним проследовала его свита. Что касается подарка будущей королеве, то он так и остался у короля. Ни в этот, ни в последующие дни и месяцы Генрих так никогда и не сделал Анне ни единого подарка. Любовь, которую король Англии вынашивал и лелеял долгие месяцы, улетучилась так же быстро, как утренний туман рассеивается с приходом солнца. Он больше не желал этого брака и готов был пойти на все, лишь бы отправить немецкое чудовище домой или, если не получится, избавиться он нее так же, как он избавлялся от надоевших ему жен...

У Анны защемило сердце от страха. Она обернулась к фрейлинам, и те увидели на ее побледневшем лице такое отчаяние, что у них самих слезы появились на глазах. Уж они-то хорошо знали своего короля и прекрасно понимали, что означают последние слова, сказанные Генрихом. Девушки хотели подбодрить принцессу, но понимали, что их поддержка ничего не изменит. Анна и сама уже догадалась обо всем. Она тяжело вздохнула и, опустив голову, произнесла по-немецки:

– Король убьет меня тоже!..

Глава 11

Томас Норфолк, лорд-казначей и граф-маршал Англии (эти должности он получил после смерти отца), был видным английским государственным деятелем. Невзирая на то, что герцогский титул был возвращен их семье сравнительно недавно, Норфолки имели богатую родословную. Поэтому к представителям новой формации, таким, например, как ближайший друг Генриха VIII, герцог Саффолк, Норфолк относился с презрением и всячески старался выказать им свое пренебрежение.

После отставки и казни кардинала Уолси герцог Норфолк принял большую печать, а после возвышения своей племянницы, Анны Болейн, и вовсе стал незаменимым человеком при дворе. Однако все изменилось, когда советником короля стал Томас Кромвель. Будучи ярким приверженцем католицизма, герцог с первых же дней возненавидел Кромвеля и его реформаторскую деятельность. А когда его собственная племянница начала поощрять Реформацию, перешел в наступление. Сокрушить Кромвеля ему, конечно, в то время не удалось, но от многих сторонников реформ (в том числе и от Анны Болейн, страстной приверженки Реформации, суд над которой он и провел, будучи президентом судебной комиссии) Норфолку посчастливилось отделаться. Несколько лет возглавляя тайный совет приверженцев старой веры, он помогал своим единоверцам избегать арестов, пыток и казней. И хотя костры пылали часто, но без участия герцога их могло бы стать еще больше. Медленно, но уверенно герцог и его последователи шли к своей цели. А их заветным желанием было как можно скорее избавиться от Кромвеля, – по общему мнению, виновника всех бед.

После нескольких политических неудач, случившихся по вине советника, Генрих стал задумываться об отстранении Кромвеля. Однако благодаря уму и изворотливости Томасу Кромвелю всегда удавалось выйти сухим из воды и остаться в стороне, в то время как на плаху в большинстве случаев шли невинные. Тем не менее паутина, которую плели герцог Норфолк, граф Хартфорд и некоторые другие сторонники возврата в лоно Римской церкви, становилась прочнее с каждым днем и опутывала советника все больше и больше. Кромвель давно ощущал движение за спиной и кое-что знал благодаря своей мощной агентуре, поэтому право первого шага оставлял за собой. Томас не раз указывал королю на мышиную возню в его дворце, но тот только отмахивался, не веря слухам и считая все это докучливыми сплетнями. Генрих был занят более важными на тот момент вопросами, например, поисками подходящей жены. И тогда, чтобы упрочить свою власть над Генрихом, а также укрепить позиции Англии с помощью Шмалькальденского союза и (чего скрывать!) пополнить собственный карман, Кромвель и решился на объединение семейств Тюдоров и Юлих-Клеов.

Герцог Норфолк вот уже несколько дней никуда не выезжал из своего замка Арундель, возвышавшегося над небольшой деревней, что в западном Сассексе. В тот холодный зимний вечер он неторопливо пил вино, греясь у весело потрескивающего камина. Его собеседник, Ральф Невилл, молчал, вслушиваясь в завывание ветра, гулявшего по каминной трубе и трепавшего ставни. Граф Невилл поежился. «Не завидую я сейчас странникам, кому довелось оказаться в пути в столь ужасный вечер», – подумал он, потягивая из кубка Clary⁵. Герцог и граф только что закончили ужин и, приказав принести им еще вина, пересели поближе к огню. Граф взглянул на нахмуренного герцога и прервал молчание:

– Милорд, простите меня за любопытство, – начал он, – но за сегодняшний вечер вы и двух слов не произнесли. Я еще никогда не видел вас таким немногословным. Да и за ужином вы почти ничего не ели. Вы чем-то огорчены? Поделитесь со мной своими думами. Ведь не

⁵ Clary – сладкий алкогольный напиток, для приготовления которого вино смешивали с осветленным медом и пряностями – перцем и имбирем.

пережаренные же казарки, которых вы приказали унести, испортили вам аппетит и настроение? Возможно, захворал кто-то из ваших близких?

– Вы совершенно неправы, мой милый Ральф. Дело, конечно, не в казарках и уж точно не в семейных недугах. Меня тревожат более важные дела, нежели эти мелочи.

– Тогда что же, милорд? – удивился граф Невилл.

– Вы, конечно, осведомлены о подписанном брачном контракте между нашим королем и немецкой принцессой?

– Да, безусловно. И что вас так встревожило? – не увидел причин для тревоги граф. – Наконец-то наш король обретет долгожданное счастье и успокоится. Сказать по правде, меня начали волновать постоянные вспышки гнева Генриха. Из-за гниющей раны в ноге, доставляющей ему большие неудобства, король порой бывает просто невыносим. Его возрастающая агрессия и подозрительность наводят на мысли о безумии Его Величества. Может быть, женившись, он отвлечется от насущных дел и даст нам возможность осуществить задуманное.

– Все могло бы быть именно так, но вы забываете: будущая королева из рода Клевов, которые являются союзниками протестантских князей Германии. Знаете, чем нам это грозит?

– Признаться, пока я плохо понимаю вас, герцог, – сокрушенно покачал головой граф Невилл.

– Все очень просто, мой милый Ральф. Союз Генриха с этой девицей приведет к укреплению власти нашего общего врага – Кромвеля.

– Дьявол! – вскричал граф, выплеснув остатки вина в камин. Огонь яростно вспыхнул, языки пламени заметались. – Он всегда опережает нас!

Немного успокоившись, граф посмотрел на герцога. Тот задумчиво глядел на огонь. Внешне его тревога никак не проявлялась.

– Надо что-то предпринять до приезда принцессы, – прервал молчание Ральф.

– Поздно, – отозвался герцог, – она уже в Англии, и не далее как сегодня должна была состояться ее встреча с королем.

– Что?! – на лице графа отразилось искреннее удивление.

– А вы не знали? – в свою очередь изумился герцог.

– Признаться, после последнего турнира... – смущенно проговорил граф.

– Ах да, – отозвался герцог, смерив насмешливым взглядом собеседника. – Брендон Саффолк изрядно помял вас на глазах у всех придворных.

Лицо Невилла сделалось пунцовым. Никогда еще гордый потомок Невиллов из Рэби не подвергался столь сильному унижению, как в тот день. Если бы не проклятущая подруга, лопнувшая в самый неподходящее время, граф Невилл не упал бы с лошади и не повредил бы спину, что приковало его к постели на целый месяц. Но боль в спине можно было пережить, а вот насмешку, брошенную Ральфу любимчиком короля после того, как он, изрядно наглотавшись песка, был вынужден покинуть турнир на носилках, никогда. В тот день он поклялся отомстить выскочке, чего бы ему это ни стоило.

– Простите, мой милый Ральф, – улыбнувшись, извинился герцог Норфолк, – что напомнил вам о неприятном для вас дне.

– Я принимаю ваши извинения, милорд, хотя вспоминая жгут меня сильнее раскаленного железа по сей день... Так вы говорите, что принцесса уже в Лондоне? Ее уже представили ко двору?

– Нет, принцесса Анна еще в Рочестере вместе с сопровождающим ее герцогом Саффолком.

Кулаки графа произвольно сжались при упоминании этого имени. Герцог, усмехнувшись, отметил про себя жест графа, решив впоследствии использовать эту ненависть в собственных интересах.

– Вы же только что сказали, что они встретились, – граф обратил к собеседнику недоуменный взгляд. – Или вы опять чего-то недоговариваете?

– Не сердитесь, Ральф, – улыбнулся герцог. – Вы все время меня перебиваете и не даете договорить.

– О, простите, милый герцог, – граф налил себе еще вина и удобно устроился в кресле, намереваясь до конца выслушать все, что скажет ему герцог.

– Хорошо... тогда я продолжу. Как я уже сказал, принцесса Анна, хотя и с большим опозданием, прибыла в Англию. Наш король, томимый любопытством, не раз выказывал нетерпение и всячески ругал Кромвеля за то, что ее приезд задерживается. Вчера Генрих не вытерпел и отправился верхом в Рочестер.

– Но его нога? – подивился граф.

– Любовь и безумие – два демона, одолевающие плоть и душу нашего короля, – пожал плечами герцог. – И нет такой силы, что могла бы удержать его от неправильных шагов. Но такой характер нам на руку, ибо легко играть на человеческих слабостях. Главное, быть первыми.

Внезапно в залу вошел слуга герцога Норфолка.

– Я же просил меня не беспокоить! – раздраженный голос герцога, как раскат грома, пронесся по комнате. – Чарльз, я что, должен дважды повторять свои приказания?

– Простите меня, милорд, – извиняющимся тоном откликнулся слуга, съевшись под суровым взглядом хозяина, – но два гонца, посланные вами, уже вернулись и просят вашей аудиенции.

– Как? Так скоро? – герцог бросил быстрый взгляд на графа. Немного поколебавшись, он приказал: – Пусть они войдут.

– Милорд, может быть, мне удалиться? – вставая, спросил герцога граф Невилл.

– Ну что вы, милый Ральф, от вас у меня нет секретов. Вы не раз доказывали верность нашим идеалам. И возможно, мне потребуется ваш совет, если дело примет серьезный оборот.

Граф снова сел и приготовился слушать. Его разбирало любопытство. «Что это за гонцы? Куда посылал их герцог? Какие новости они привезли?» – раздумывал он, поглядывая на герцога, напоминавшего льва, приготовившегося к прыжку.

Через минуту в залу, где, сгорая от нетерпения, сидели знатные вельможи, вошли два человека. Одежда их представляла жалкое зрелище. Темное платье простого покроя и черные плащи были сплошь покрыты засохшей грязью, а мех на широкополых шляпах с низкой тульей, которые они держали в руках, напоминал мокрую драную кошку. Герцог невольно поморщился. Он любил порядок во всем, а уж тем более в том, что касалось одежды.

– Простите, Ваше Высочество, наш вид, – извиняющимся тоном начал первый посланник, отвесив низкий поклон, – но наши дела не терпели отлагательства.

– Джеймс, не трать слов понапрасну, – прервал его герцог недовольным тоном. – Я сам требовал сообщить мне новости безотлагательно... Итак, что тебе удалось узнать о принцессе Анне? Существуют ли причины, какие-то преграды для того, чтобы предстоящий брак между нашим государем и немецкой принцессой стал невозможным? Или госпожа Анна настолько чиста и невинна, что даже придаться не к чему?

– Увы, это так, Ваше Высочество, – вздохнув, сообщил шпион и понурил голову.

– Но это невозможно! – вскричал герцог, вскакивая с кресла. – Я не верю в чистоту души! Духовность и добропорядочность умерли давно, их нет... Может быть, интриги, сплетни, порочные добрачные связи? Ну хоть что-нибудь!

– Нет, мой господин. Принцесса Анна воспитывалась очень сурово. Единственное...

– Ого, всё-таки что-то есть, – почуяв пряный вкус победы в одном только слове, заявил герцог. – Продолжай!

– Единственным препятствием к браку может послужить помолвка принцессы, состоявшаяся много лет назад.

– Это уже интересно! – воскликнул герцог и метнул торжествующий взгляд в сторону притихшего графа. – Что вы на это скажете?

– Скажу, что хорошо иметь повсюду свои глаза и уши, – уклонился от прямого ответа Ральф Невилл.

– И кому же мы обязаны нашим избавлением от чужестранки?

– Это Франсуа I, герцог Лотарингский, Ваше Высочество.

– Есть письменное подтверждение твоим словам?

– Вот в этом-то вся загвоздка, – тяжело вздохнул Джеймс, предвидя бурю, – документа никто не видел и не читал.

Герцог Норфолк нахмурился, в который раз за вечер. С одной стороны, судьба дает возможность, с другой – она же его и забирает. «Где Божья справедливость? – промелькнуло у него в голове. – Но если помолвка имела место, стало быть, и свидетели тоже должны быть».

– Отправляйся обратно, Джеймс, и попытайся найти кого-нибудь, кто мог присутствовать при подписании договора. Денег не жалея. Запомни, главное – результат... Убирайся!

Когда первый посланник, поклонившись, удалился, второй (переминавшийся с ноги на ногу в течение всего разговора) браво отрапортовал:

– Ваше Высочество, разрешите доложить, что король, пробыв в Рочестере всего несколько минут, вернулся во дворец и в срочном порядке вызвал советника Кромвеля. Из достоверных источников сообщили, что наш король пребывает в ярости. Он хочет отменить свадьбу, поэтому-то и вызвал Кромвеля тотчас после возвращения.

Лицо герцога просияло. Он достал кожаный мешочек и швырнул его посланнику.

– Уэйн, ты свободен. Иди, выпей за мое здоровье и отоспись!

– Благодарю вас, господин, – низко кланяясь, ответил тот и, радостный, скрылся за дверью.

– Клетка захлопнулась, дорогой Кромвель, наконец-то настал и наш черед! Боже, да не иссякнет милость твоя!

Глава 12

В лондонской клинике, куда поместили Аннелис, уже целую неделю шли консультации. Несколько крупных, каждый в своей области, специалистов, обследовав молодую женщину, пришли к одному и тому же выводу: она абсолютно здорова.

– Но если у нее, как вы выражаетесь, нет никаких отклонений и изменений в организме, – подытожил Генрих Тейлор, беседуя с лечащим врачом жены, – как вы объясните тот факт, что она до сих пор находится в коме?

– Как вам сказать, – замялся доктор, теребя в руках ручку. – В самом начале, еще до того, как ваша жена к нам поступила (я имею в виду, после звонка врача, первым осмотревшего пациентку), мы с коллегами предположили, что она находится в так называемой *coma malariale*. Вы долгое время находились в Африке, и это было бы вполне закономерно.

– Что это за «*coma malariale*»? – недоуменно посмотрев на врача, спросил Генрих.

– Это гемолитическая кома при малярии, которая развивается во время малярийного пароксизма.

– Чего?

– Пароксизма или, по-простому, малярийного приступа.

– Что за ерунда! – возмутился Генрих Тейлор. – Какая малярия! Чему вас учат в ваших институтах!

– Но после первого осмотра вашей жены мы сразу же отвергли эту гипотезу. По всемирно известной шкале Глазго, до осмотра и после ее состояние оценивалось как глубокая кома. И если бы не этот факт, то после всех проведенных анализов я мог бы с уверенностью сказать, что она совершенно здорова. Но...

– Ну так разбудите ее! – возмущенно воскликнул Генрих, сердито посмотрев на врача.

– В этом-то и заключается проблема, – как бы извиняясь, пустился в объяснения тот. – Медикаментов, способных вывести человека из комы (за исключением диабетической, конечно), просто не существует. Среди врачей принято считать, что организм должен самостоятельно мобилизоваться и выйти из этого патологического состояния. Ваша жена в настоящий момент находится между небом и землей. Она не живет нормальной жизнью, но и состояние ее не ухудшается. Могу сказать, что в моей практике такого раньше не случалось. Это уникальный случай. По-хорошему, ее состояние и комой-то трудно назвать. У нее не понижено давление, и мозг находится в активной стадии. Временами ее пульс доходит до двухсот ударов в минуту, дыхание учащается, а потом опять наступает покой.

– Что же мне делать, доктор? Как помочь моей Аннелис?

– Мои коллеги из нейропсихологии уверены, что преодолеть коматозное состояние вашей жены поможет поток внешней информации. Регулярно рассказывайте ей что-нибудь, включайте музыку, берите ее за руку, вспоминайте вслух о тех или иных жизненных ситуациях, делитесь происходящими событиями, читайте книги, напоминайте о вашей любви.

– И как долго такое состояние может продлиться? – спросил Генрих Тейлор, с надеждой посмотрев на лечащего доктора.

– На этот вопрос может ответить только Господь, – развел руками врач. – Потому что стопроцентной гарантии возвращения человека, находящегося в подобном состоянии, медики сегодня дать не способны...

...Дорога в Лондон заняла гораздо больше времени, нежели до Рочестера. Туда Генрих VIII летел, подгоняемый любопытством, на крыльях любви. Плохие дороги не были королю помехой, а о боли в ноге он в тот миг и не вспоминал. Но январская погода решила посмеяться над повелителем английских земель, напомнив ему, что уж она-то не подчиняется ничьим при-

казам. Весь обратный путь сильнейший ливень, делавший невозможным быстрое передвижение, сопровождал кавалькаду. Промокнувшая до нитки свита короля советовала ему переждать непогоду, но Генрих, гонимый чувством гнева и досады, не пожелал даже слушать о задержке.

По возвращении во дворец, первым желанием короля было немедленно видеть своего советника. Невзирая на поздний час, Кромвель, заподозривший неладное, явился в спешном порядке. Едва он вошел в кабинет короля, как распахнулись двери напротив, и в комнату ворвался разъяренный Генрих, уже успевший переодеть камзол. Он сильно хромал, но не обращал внимания на боль. В настоящий момент другой вопрос был важнее его недуга.

– Господин Кромвель, я похож на шута? – язвительно начал разговор Генрих.

– Нет, Ваше Величество, конечно нет, – обескураженный вопросом, возразил Томас.

– Тогда я, возможно, неосторожно дал повод надо мной посмеяться? – гнев короля, накопившийся за время поездки, наконец-то вырвался наружу. Одутловатое лицо Генриха побаврело, губы дрожали от бешенства, а глаза метали молнии.

– Разумеется, нет, Ваше Величество, – еще не понимая цели расспросов, отвечал советник.

Под яростным взглядом короля Томас Кромвель превратился в каменное изваяние.

– Кого вы мне подсунули, господин Кромвель? Благодаря вашему «сверхъестественному чутью» и «гениальной политике», – передразнил король Кромвеля, – мне придется жениться на немецкой неуклюжей лошади. О чем вы думали, когда предлагали ее мне в жены?

– Но художник... – начал оправдываться Кромвель.

– К черту художника! Что можно спросить с человека, живущего в мире грез? Я для чего отправил вас в Дюссельдорф?

– Но герцог Вильгельм разрешил нам увидеть девиц только издали. К тому же на них были надеты мешковатые платья по немецкой моде, да еще и вуали. Моя просьба открыть им лица была воспринята им как личное оскорбление.

– Тогда какого черта вы мне дурили голову, господин Кромвель, говоря о ее красоте, которую якобы сравнивают с ликом Луны? – стремительно приблизившись к советнику, осведомился король. – Видимо, все ваши действия были направлены на то, чтобы унижить и оскорбить меня? Это пахнет изменой, господин Кромвель.

– Нет, нет, нет, мой государь! Как вы могли такое подумать? Я всегда был предан Вашему Величеству и Англии! – воскликнул ошеломленный советник.

Его настолько поразило обвинение Генриха, что, потеряв самообладание (а о хладнокровии Кромвеля ходили легенды по всему королевству), Томас упал к ногам короля. Генрих поморщился. Вид распластавшегося перед ним человека, преисполненного раскаянья, немного поубавил гнев короля, но не успокоил чувство досады.

– Делайте что хотите, Томас, – буркнул Генрих, сердито глядя на советника, – но я не женюсь на этой немецкой дуре, ничего не смыслящей ни в светском этикете, ни в манерах.

– Если позволите, Ваше Величество... – попытался что-то сказать Кромвель, но Генрих его жестко оборвал:

– Не позволю! – огрызнулся король, тяжело усаживаясь в кресло.

Невыносимая боль в ноге, изводившая его не первый год, в последнее время резко усилилась. Врач делал все, что мог, чтобы облегчить страдания Генриха, но его усилия были напрасными. Рана, полученная в результате несчастного случая на рыцарском турнире в 1536 году, постоянно гноилась и воспалялась, доставляя невероятные мучения королю. Она часто приковывала Генриха к постели, что невероятно злило короля, привыкшего к активному образу жизни и физическим нагрузкам. Такие перемены, безусловно, отразились на характере и подорвали и без того неустойчивую психику короля. Генрих часто впадал в депрессию, выказывал постоянный гнев или ни с того ни с сего приходил в бешенство. Кроме того, он неумеренно

употреблял жирную пищу, в основном красное мясо, практически отказавшись от овощей и фруктов, что через некоторое время привело к неизбежному результату: король стал толстеть, и полнота эта была нездоровой. Но и это была не самая большая его беда. У Генриха появились признаки цинги, болезни, о которой еще мало что знали в то время, и уж тем более не умели ее лечить. Она-то и провоцировала постоянное воспаление в старой ране короля. Вердикт врачей был неутешительным: «Неизлечим!». Как и следовало ожидать, новость не обрадовала короля и усугубила подавленность. Новая любовь – вот что могло спасти Генриха от уныния. И вдруг такое разочарование!

– Завтра соберите совет, господин Кромвель. На нем мы должны будем решить, каким образом я смогу избежать этого брака, – властным голосом произнес Генрих и жестом приказал советнику удалиться.

«Мои враги непременно воспользуются этим промахом, – выходя из кабинета короля, думал Кромвель. – У меня впереди ночь на подготовку. Этому браку БЫТЬ, иначе я лишусь головы!»

«Я ни за что не лягу в постель с этой женщиной! – тем временем размышлял Генрих. – Этому браку НЕ БЫВАТЬ!»

Глава 13

Утренний туман окутал узкие, извилистые улочки средневекового Лондона плотной завесой. Солнечные лучи, не сумев пробиться сквозь него, обиженно спрятались в белых облаках, оставив замерзших жителей без спасительного тепла. Что ни говори, а эта зима была самой суровой из всех, что помнили старожилы. Промозглый ветер, ледяной дождь, часто сменявшийся мокрым снегом, низкие температуры, постоянные туманы изводили людей, словно проверяя их на прочность.

Озябший город постепенно пробуждался от оцепенения. Кое-где уже раздавались голоса торгового люда, который, поживаясь от пронизывающей насквозь сырости, открывал лавки и переговаривался с первыми покупателями. С каждой новой минутой город наводняли все новые и новые звуки: лай собак, стук копыт по мостовой, брань мужчин, крики женщин и плач детей. Лондон, расцветший при Тюдорах, особенно во время Реформации, невзирая на непогоду, жил полной жизнью. Тесные торговые связи с протестантским центром, всячески поощряемые и поддерживаемые Кромвелем, крупные иностранные общины, возросшая грамотность жителей – все это способствовало распространению новых идей религиозных реформ, за которые ратовал советник короля и которые были так ненавистны его врагам. Дело в том, что до Реформации более половины площади Лондона являлось собственностью монастырей и других церковных учреждений. После реформ, проведенных Генрихом VIII (по настоянию и при помощи Кромвеля), монастыри были распущены, и почти все их имущество перешло в руки короля и его приближенных, что благоприятно отразилось на деловой жизни города. Вообще любимчиков Генрих задаривал и возвышал, и часто это были люди не слишком знатные и богатые, что, несомненно, не нравилось родовитым и состоятельным придворным вельможам. При дворе зрело недовольство, подпитывавшееся не только религиозными чувствами, но и завистью к огромной власти Кромвеля. Сейчас над головой советника сгустились тучи, не сулившие ему, особенно после ночного разговора с королем, ничего хорошего...

С самого утра двор гудел, как пчелиный улей. Собранные по приказу короля видные мужи королевства, советники и епископы, сидели в зале совета и ожидали появления Его Величества. Они то и дело переглядывались и перешептывались, недоуменно пожимая плечами. Никто из них, за исключением нескольких лиц, не знал, по какой причине их собрали для заседания в столь ранний час.

– Милорд, – услышал за своей спиной герцог Норфолк приятный мужской голос, – вы случайно не знаете, зачем мы понадобились нашему королю в такое неподходящее для обсуждения важных дел время? Это не похоже на Его Величество...

Герцог обернулся и увидел перед собой молодого Томаса Сеймура. На его открытом лице, не лишенном привлекательности, было заметно неподдельное удивление. Томас был четвертым сыном в семье сэра Джона Сеймура и младшим братом лорда-протектора Англии Эдуарда Сеймура⁶, графа Хартфорда. Благодаря родственным связям (то есть своей сестре Джейн, ставшей третьей женой Генриха) Томас Сеймур сумел приблизиться к королю, а умение плести грязные интриги позволило ему добиться назначения на ответственный пост. Норфолк знал о каждой слабости младшего из Сеймуров: и о зависти, испытываемой Томасом к своему брату Эдуарду, и о жажде денег, и о желании возвыситься любым путем, и о распущенности молодого человека, и его склонности к разгульной жизни. Герцог обо всем этом знал и всячески способствовал развитию пагубных наклонностей.

⁶ Эдуард Сеймур – родной брат третьей жены Генриха VIII; благодаря ей стал не только дядей будущего короля Эдуарда VI, но и ближайшим другом короля. Носил титулы виконта Бошампа и графа Хартфорда.

– Милый Томас, в вашем положении неосведомленность граничит с глупостью, – пожурил герцог молодого повесу. – Я не раз говорил, что такой образ жизни погубит вас.

Томас Сеймур вспыхнул, но промолчал. С одной стороны, он понимал, что герцог прав, но и ограничивать себя в удовольствиях не собирался. Молодость, а не мудрость брала верх. Но дальнейшие события навсегда изменили его жизнь, и впоследствии он будет с горечью вспоминать об упущенных возможностях...

– Эх, молодость, молодость, – улыбнулся герцог, увидев пылающие щеки собеседника. – Поверьте мне, милый Томас, мне тоже хотелось слагать стихи и посвящать их прекрасным дамам, биться на турнирах и так праздновать победы, чтобы вино лилось рекой, а столы ломились от яств. Но чтобы последнее осуществилось, надо работать не только кулаками.

– А чем же еще, милорд? – Томас удивленно посмотрел на герцога.

– Головой, мой мальчик, головой. Чем больше мы думаем и рассуждаем, чем больше у нас информации, тем ближе наша победа.

Томас недоверчиво поглядел на герцога Норфолка. «Лорд-казначей⁷, вероятно, преувеличивает, – подумал Сеймур, но, взглянув на него еще раз, отказался от этой мысли. – Старик явно не шутит. А что, если он прав? Надо поближе с ним сойтись, втереться к нему в доверие. Он далеко не последний человек в королевстве, может, что и выгорит». Молодой Сеймур простодушно улыбнулся.

– Вы совершенно правы, милорд, пора, пора остепениться. Годы идут, а денег не прибавляется. Трудность в том, что сейчас невозможно найти наставника, который помог бы разобраться в столь сложном для молодого человека мире. В наше время все за себя, невозможно угадать, кто тебе друг, а кто враг.

Герцог Норфолк был не так наивен, как предполагал Томас, и не заглотил наживку. Долгие годы службы при дворе и неоднократное пребывание на поле боя научили его легко распознавать замыслы врагов и льстецов. Но Томас нужен был ему для осуществления задуманного, поэтому герцог сделал вид, что он попался на удочку.

– Почаще навешайте меня, милый Томас, и я научу вас всем премудростям, – лукаво улыбнувшись, ответил герцог. – Вместе мы – большая сила.

– Благодарю вас, милорд, вы оказали мне огромную честь, – поклонившись, ответил Сеймур-младший, довольный тем, что ему так легко удалось одурачить старика.

Однако он и не подозревал, что сам станет жертвой коварной игры, которую намеревался затеять его собеседник.

– Герцог Норфолк, и вы здесь, – услышали два хитреца голос за своими спинами. – Как быстро разлетаются новости, вы не находите?

Лицо герцога мгновенно преобразилось. Надменная маска сменила дружескую улыбку, в черных глазах появился злой огонек, а тонкие губы сжались. Исчезли спокойствие и расслабленность в движениях. Он приосанился, резко повернулся и встретился с насмешливым взглядом говорившего. Перед ним стоял высокого роста человек средних лет, атлетического телосложения, с массивным подбородком и орлиным носом. В его вальяжных движениях сквозило превосходство, которое он и не пытался скрыть. Джеймс Стаффорд был одним из любимчиков короля, человеком новой формации, «апстартом», как называл его герцог. Наряду с Чарльзом Саффолком, сэр Джеймс имел почти неограниченную власть, и все его поступки и дела всячески поощрялись королем. Веселый, легкий, склонный к авантюре характер позволил Джеймсу Стаффорду быстро найти общий язык с Его Величеством, и вместе с Чарльзом Брэндоном Саффолком он стал постоянным спутником Генриха в его забавах, играх и охоте. Ну и, конечно, он был в курсе всех любовных дел короля, давая советы и обсуждая прелести и недостатки той или иной красотки. Поэтому кто, как ни сэр Джеймс, мог быть лучше осведом-

⁷ Лорд-казначей, возглавлявший королевское Казначейство, – одна из высших государственных должностей.

лен о произошедшей поездке и о конфузе, случившемся в Рочестере. Герцог Саффолк остался с принцессой, а граф Стаффорд, по настоянию короля, вернулся с ним в Лондон.

– Вы абсолютно правы, сэр Джеймс, новости как хорошие, так и плохие распространяются мгновенно. Самое главное – быть первым их получателем... Мне говорили, ваша жена опять ждет ребенка? – сменил тему разговора лорд-казначей. – Поздравляю вас, сэр Джеймс. Бог даст, и у вас появится вскоре наследник. После четырех родных дочек и трех побочных вы это заслужили.

– Бог мне свидетель, я от души благодарю вас за заботу, милорд, – сквозь зубы проговорил его противник, слегка побледнев от гнева. Но затем добавил, одарив герцога бесцеремонным взглядом: – Ах, ваша милость, вы такой приятный собеседник. И меня очень радует, что, несмотря на годы (а они, увы, берут свое), ваше красноречие и острота ума все еще с вами. Я не прощаюсь, милорд, – с этими словами граф Стаффорд удалился.

– Наглец! – прошипел герцог Норфолк, провожая его взглядом. – Кем он себя возомнил?

– Пока король жалуется таких людей, как он или мой брат, быть нам в тени, – задумчиво произнес Томас Сеймур, многозначительно посмотрев на герцога.

Тот презрительно хмыкнул и возразил:

– Они только мелкие сошки, шуты Его Величества.

– Так-то оно так, но они обладают большой властью, которой мы с вами как раз и не имеем.

– Это пока, милый Томас, пока не имеем, – лукаво взглянув на собеседника, изрек герцог. – Король стареет и начинает нуждаться в добром совете больше, нежели в забавах и развлечениях. Они скоро ему надоедят, и Генрих останется один. Вот тут-то мы и окажемся рядом.

– Надоедят? – насмешливо переспросил сэр Томас. – Вы думаете, они легко сдадут свои позиции?

– Когда мы устраним главный источник всех наших бед, эти шакалы разбегутся, поджав хвосты, спасая свои шкуры. Нам останется только подхватить добычу.

– И кто же виновник наших несчастий? – прикинувшись простачком, осведомился Томас Сеймур.

– А вы разве не догадываетесь? – окинув его ироничным взглядом, спросил герцог Норфолк. И как бы сам отвечая на свой вопрос, перевел полный ненависти взор в сторону ниши, в глубине которой сидел человек, облаченный в черные одежды. Томас проследил за его взглядом и... невольно вздрогнул, ибо в этой мрачной фигуре он узнал главного советника Генриха VIII.

– Кромвель? – прошептал Сеймур и испуганно поглядел на герцога. – Вы говорите про него? Вы посмеете выступить против советника? Это чистое безумие! Кромвель хитер как дьявол и чертовски злопамятен...

– Он посланник сатаны, это вы верно подметили, милый Томас. Он отравляет сознание короля и подчиняет Его Величество своей воле. Но когда наш великий король поймет, кого пригрел на груди, он сам отправит Кромвеля на плаху. Наша задача – помочь Генриху распознать истинное лицо советника, – вновь обретя душевное спокойствие, герцог по-дружески похлопал по спине сэра Томаса. – Будьте рядом, и Божья благодать снизойдет и на вас...

– Его Королевское Величество! – пронеслось по зале.

Голоса сразу смолкли, а все взоры устремились на двери, откуда через несколько секунд появился король. Генрих VIII был мрачен как никогда. Бессонная ночь, гниющая рана на ноге, не дававшая покоя после утомительной поездки, крайнее нежелание вступать в брак с «неуклюжим пугалом», носящим обноски своей матери, – все это стало причиной столь ужасного настроения короля и вызвало новый приступ депрессии. Хромая, он дошел до своего места и грузно сел. Никто из присутствующих не посмел не только проронить ни слова, но и поглядеть в его сторону. Даже извечный балагур и насмешник сэр Джеймс счел нужным прикусить язык

до поры до времени. Все ждали, когда король заговорит, но тот молчал и только переводил мрачный взгляд с одного придворного на другого.

– Милорды-советники, я думаю, многие из вас уже догадываются о цели этого собрания, созванного в столь ранний час, – каждое слово, вырвавшееся из уст короля, звучало, как удар хлыста. – Для тех, чьих ушей еще не достиг шепот, который разносится по дворцу и по городу, как эпидемия чумы, разъясню... Год назад на одном из заседаний вы, мои доблестные советники, рекомендовали начать поиски новой жены. Корона нуждается в наследнике. Принц Эдуард очень слаб, и я каждый день боюсь услышать дурные вести из замка. Мною были выбраны самые лучшие дома Европы, лучшим из лучших были сделаны предложения. Но они, герцог Норфолк, отказали мне, хотя вы утверждали, что Карл и Франциск только и ждут, когда Англия протянет им руку дружбы. Вы совершили ошибку, сэра Томас, большую ошибку...

Герцог Норфолк, обладавший завидным хладнокровием, побледнел, услышав обвинение в свой адрес, брошенное королем. Не на это рассчитывал лорд-казначей, идя на заседание.

– Но откровенные отказы – это только начало моих унижений, – продолжил Генрих, не обратив внимания на реакцию герцога. – Прислушавшись к настояниям моего ближайшего советника, уведомившего меня о подписании нашими недругами договора о мире и согласии между их странами, я решил, что Англии нужен сторонник в лице Шмалькальденского союза, поэтому и позволил обвести себя вокруг пальца, как мальчишку. И теперь та, кого вы, господин Кромвель, определили мне в невесты, едет сюда, чтобы пойти со мной под венец!

– Но, Ваше Величество, вы, наверное, забыли, что сами выбрали ее, я лишь привел веские доводы, на основании которых... – сделал попытку оправдаться Кромвель, понимая, что земля медленно, но верно начала уходить из-под ног.

– Молчать! – вскочив, закричал Генрих. – Как вы смеете мне перечить? Вчера вы сами признались, что портрет не соответствовал действительности. Эту немецкую кобылу я и близко к Лондону не подпущу. Отправьте ее немедленно домой! Она мне не нравится! Принцесса Анна не только безвкусна, уродлива и неуклюжа, эта девка еще и невероятно глупа. Таковую вы мне искали невесту, господин Кромвель? Вы хотели, чтобы все посмеялись надо мной? Все, я расторгаю помолвку!

– Но это невозможно! – развел руками Кромвель.

– Почему, господин Кромвель? – решил вмешаться герцог Норфолк, справедливо рассудив, что его положение куда более выгодно, чем у его врага. – Ее следовало задержать еще в Кале. Почему ваши люди этого не сделали?

– Да, господин Кромвель, почему? – поинтересовался король, подхватив идею герцога. Сам того не понимая, Генрих вновь начал подпадать под влияние этого бессовестного и бесчестного человека, как это уже случилось несколько лет назад, когда герцог и Томас Болейн, словно ястребы, налетели на Генриха, подчинив его волю женским капризам. – Его светлость прав. Почему адмирал Саутгемптон не вернул ее назад, если принцесса не соответствовала присланному портрету?

Кромвель промолчал. Он не посмел доложить тогда Генриху, что портрет из-за погодных условий так и остался у него. Предчувствуя беду, советник принял единственно правильное (на его взгляд) решение: не отправлять портрет до встречи свиты с оригиналом. Томас не только не отправил портрет, но и посоветовал адмиралу отнестись к докладу о его встрече с принцессой с особой тщательностью, что последний и сделал.

– Простите меня за дерзость, Ваше Величество, – вставая, начал свою речь герцог Норфолк, желая отвлечь Генриха от своей персоны и обрушить его гнев на голову врага, – но мне кажется, что господин Кромвель настолько увлекся делами, связанными с реформами, и преследованием монахов, что совсем забыл о прямых обязанностях. Советник Вашего Величества должен, прежде всего, заботиться о благе своего короля и об интересах государства.

– Герцог Норфолк, вы обвиняете меня в измене? – гневно сверкнув глазами, спросил Кромвель. – И это я слышу из уст человека, до сих пор являющегося тайным осведомителем папской курии!

– Ложь! – вскричал Норфолк, пораженный столь суровым и откровенным обвинением. – Ваше Величество можете подтвердить, что я был одним из первых, кто поклялся в верности короне. Представитель моего рода никогда не запятнает свое доброе имя подобной гнусностью!

– Если сделка с дьяволом не будет сулить вам прибыли, то тогда нет, – пробормотал вполголоса Кромвель.

– Что касается вас, господин Кромвель, – продолжил герцог, не обращая внимания на реплику советника, – то вы вряд ли сможете похвалиться тем же, как и опровергнуть тот факт, что вы преднамеренно согласились на сделку с торговцами Лондона, получив при этом приличное вознаграждение. Более того, вы преднамеренно вступили в тайный сговор со Шмалькальденским союзом, дабы дать возможность торговцам расширить рынки сбыта. Эта сделка, вероятнее всего, изрядно набила не только их карманы, но и ваш собственный.

Кромвель побледнел. С одной стороны, он был поражен осведомленностью герцога, которого считал глупым интриганом. «Он обо всем узнал, – подумал советник, нахмутив брови. – Скверно... Я пригрел на груди крысу. Вот только кто этот мерзавец?» Однако, с другой стороны, Кромвель прекрасно понимал, что его пытаются вытащить из норы, где он, будучи опытным дипломатом, предпочел затаиться после неудачной помолвки. К тому же советник был абсолютно уверен, что и на этот раз он настоит на своем, и Генрих не сможет ему отказать и последует его совету.

Кромвель взглянул на угрюмое лицо короля и понял, что пора действовать, иначе будет поздно.

– Ваше Величество, – тяжело вставая со своего места, промолвил Томас Кромвель. – Бог свидетель, я не знаю, почему меня пытаются сейчас обвинить. Но уже одно то, что меня хотят обвинить в измене, означает, что честное имя вашего верного слуги стремятся очернить в ваших глазах. Клянусь небом и Богом, я всегда желал и желаю Англии и Вашему Величеству только добра, и именно поэтому я хочу напомнить вам, мой государь, о наших долгих и пока, увы, безрезультатных переговорах с протестантскими князьями, входящими в Шмалькальденский союз. Вам, разумеется, известно: Англия не первый год пытается войти в этот союз. Вы также знаете и о существенном препятствии, не позволяющем нам вступить в него: согласно Нюрнбергскому миру 1532 года князья имеют право заключать политические союзы только с теми государствами, которые согласились бы с принципами, изложенными в Аугсбургской исповеди. Для непосвященных – наше королевство должно следовать принципам лютеранства. Но вы, Ваше Величество, посчитали, что это неприемлемо для Англии.

– Совершенно верно, господин Кромвель, – в знак согласия кивнул головой Генрих. – Я не раз писал ландграфу Филиппу Гессенскому и курфюрсту Иоганну Саксонскому об этом неприемлемом условии. Помнится, я поручил вам, господин Кромвель, найти решение этого вопроса.

– И я исполнил ваше приказание, Ваше Величество. Заключить политическое соглашение между союзом и нами возможно только, если мы будем опираться на религиозный компромисс.

– На какой компромисс? – лицо короля несколько просветлело.

– Компромисс между лютеранством и англиканством, Ваше Величество. О компромиссах говорит и Меланхтон...

– Да, да, – задумчиво вторил ему король, не понимая, к чему это Кромвель затронул столь болезненную для Англии тему вместо того, чтобы решать его, Генриха, судьбу. – Я получил от него послание, в котором он уведомляет меня, что Папа вновь предпринимает попытку установить неограниченную власть церкви. Несогласных либо отлучают от церкви, либо обви-

няют в измене. Бог мой, поистине мы живем в страшное время... Так о каких компромиссах всё-таки идет речь, господин Кромвель?

– Как я уже говорил вам, Ваше Величество, единственно правильное решение – это вступление в брак с представительницей какого-нибудь германского княжеского дома.

Генрих поморщился. Одно только упоминание о свадьбе наводило тоску. Заметив это, Кромвель поспешил добавить:

– Мы не можем ждать, когда император Карл и король Франции, объединившись, набросятся на Англию, как коршуны. Мы должны действовать предусмотрительно и заранее защитить наше королевство. И единственный способ противостоять их агрессии – это заключение союза с домом Клеов. Брак с принцессой Анной выгоден для Англии, ибо он поможет нам впоследствии без труда и религиозных компромиссов найти поддержку в протестантском мире.

– Почему вы в этом столь уверены, господин Кромвель? – поинтересовался герцог Норфолк, молчавший до сих пор. – На чем основываются ваши догадки и смехотворные предположения?

– Это не догадки, милорд, – отозвался Кромвель, – а уверенность. Я думаю, вам не нужно напоминать, как Папа Павел III год назад подбивал императора и Франциска объявить войну Англии. Или ваша память настолько коротка, что вы не помните, как в Нидерландах были арестованы все наши суда, а послы Испании и Франции отозваны?

– Я помню, – сухо ответил герцог и замолчал. Он боялся, что и король вспомнит о той незавидной роли, которую ему пришлось сыграть год назад в назревавшем конфликте между империей, Францией и Англией.

– Значит, мой брак с Анной даст нам возможность избежать дальнейших разногласий с союзом? – уточнил Генрих.

– Вы совершенно правы. После свадьбы ничто не мешает нашему королевству получить поддержку Шмалькальденского союза, ибо союз тоже нуждается в покровительстве такой страны, как Англия. Папа и император не дремлют, и к их угрозам надо относиться серьезно. Поэтому, на основании вышесказанного, я настойчиво рекомендую Вашему Величеству еще раз как следует продумать решение, которое будет принято относительно вашей женитьбы.

Кромвель замолчал. Пламенная речь, произнесенная с таким воодушевлением, произвела неизгладимое впечатление не только на подданных короля, но и на него самого. Обладая трезвым и расчетливым умом, Генрих понимал, что, как бы ни противна была ему невеста, иного выхода у него не было. Приходилось смириться.

– Ну что ж, – в задумчивости произнес Генрих, барабая толстыми пальцами по ручкам кресла, – не скрою, что брак со столь... необразованной девицей не приводит меня в восторг. Однако перспектива получить вместе с союзом силу, способную противостоять Габсбургам, меня радует. Господин Кромвель, вы убедили меня... Интересы Англии – это мои интересы. И я готов ради моего королевства пойти на жертвы. Господин Кромвель, оповестите всех, в том числе и германские княжеские дома, что вскоре состоится мой брак с принцессой Анной Клевской. А в донесении курфюрсту Саксонскому еще добавьте, что мы надеемся, что наша дружба, основанная на истинной вере, будет способствовать дальнейшему сохранению мира. Надеюсь, у него наконец-то отпадут всякие сомнения, и в недалеком будущем мы подпишем-таки обоюдно выгодный договор... Да, и еще... Герцогу Саффолку вместе с моей невестой надлежит немедленно прибыть в Лондон. Скоро моя свадьба!.. Господа министры...

Король, ни на кого не глядя, быстрым шагом, хоть и прихрамывая, удалился в свои покои. Кромвель, окинув торжествующим взором герцога Норфолка, усмехнулся. Герцог, сжав кулаки, буквально позеленел от злости. Он резко развернулся на каблуках и проследовал к выходу.

– Смейся, смейся, старая гиена, пока еще можешь, – злобно проговорил лорд-казначей вполголоса. – Ничего... сегодня ты выиграл, но запомни: недолго тебе осталось упиваться победой. Гильотина уже ждет тебя...

Глава 14

– Я не хочу, чтобы она стала моей мачехой, – капризным тоном произнесла кареглазая девушка, выглядевшая много старше своего возраста (будущей «кровоавой королеве» на тот момент должно было исполниться двадцать четыре года). Годы душевных страданий и невзгод не пожалели юность принцессы Мэри, благодаря отцу уже успевшей сменить двух мачех. И каждый раз ее дальнейшая судьба, да что говорить, и самая жизнь зависела от того, как отнесется к ней новая любовь Генриха.

– Разумеется, не в нашей власти что-то изменить, принцесса Мэри, – галантно поклонившись, проговорил только что вошедший вельможа, одетый по испанской моде.

Посол императора был частым гостем принцессы, начиная с того времени, как Екатерину Арагонскую отправили в ссылку. По сути, он был единственным звеном, связывавшим тогда еще очаровательную девочку, Мэри, с матерью. Но время шло, и посол Испании стал не только советником будущей королевы (ей дали хорошее образование, но совершенно не объяснили, как нужно править королевством), но и доверенным лицом.

– Согласно сведениям, которые мне удалось добыть, ваш отец, хоть и не испытывает огромного желания идти с ней под венец, вчера на заседании тайного совета все же поддался уговорам, сочтя доводы господина Кромвеля убедительными.

– О Святая Дева Мария! Кромвель, опять Кромвель! – топнув крошечной ножкой, вскричала принцесса. – Пусть небо будет мне свидетелем: когда я стану королевой, никто не помешает мне уничтожить это исчадие ада. Он ответит за все мои мытарства и мучения. Клянусь!

Вошедшей в историю под именем Марии Кровавой королеве выпала нелегкая судьба. И все потому, что она была девочкой, а не наследником, как того жаждал Генрих. У оставшейся в одиннадцать лет без матери Мэри (за неуступчивый характер Екатерина Арагонская была наказана: ей под страхом смерти запрещалось видеться с дочерью) жизнь превратилась в ад. Новая жена Генриха с первых же дней возненавидела падчерицу, постоянно напоминавшую ей о первой супруге короля. Имея огромное влияние на Генриха, Анна Болейн сделала все, чтобы юную принцессу признали незаконнорожденной и отобрали все привилегии, которые принадлежали ей по праву. Более того, не желая вовсе видеть падчерицу, находившуюся у нее в услужении, Анна уговорила короля отдать ее присматривать за их дочерью, малышкой Лизи. Так из принцессы, наследницы английской короны, Мэри превратилась в служанку при своей сводной сестре. Малышка была очаровательным, жизнерадостным ребенком. Вначале, попав в услужение, Мэри возненавидела дитя всей душой, хотя и понимала, что голубоглазая кроха ни в чем не повинна. Но когда у следующей жены Генриха, Джейн Сеймур, родился долгожданный наследник, их отношения изменились. История повторилась: Лизи так же была признана незаконнорожденной и лишилась титула принцессы. От нее отвернулись все, но только не Мэри. Кто, как не она, знал, как это трудно: в один день лишиться всего. Сестры необыкновенно сблизились, хотя были абсолютно разными и внешне, и внутренне. Одна – жизнерадостна и открыта, другая научилась хорошо скрывать свои мысли и сторонилась людей. Одна – белокурая, с голубыми глазами, изящная, как газель; другая – настоящая испанка с горящим взором и гордой статью. Одна – протестантка, другая – ярая католичка. Но, несмотря на эти отличия, их судьбы были одинаковыми. И та, и другая были лишены любви отца и ласки матери, ибо Екатерина Арагонская умерла в нищете от голода, а Анну Болейн, обвинив в измене и колдовстве, обезглавили.

– Неужели этому грифу так никто и не обрежет крылья? Пресвятая Дева Мария, куда катится Англия? В нашем королевстве перевелись настоящие мужчины. То ли дело в Испании, – горестно вздохнув, пожаловалась Мэри послу.

Величественно поднявшись со стула, принцесса подошла к окну. Дождь, противный холодный дождь монотонно барабанил по стеклу уже почти две недели. Реки потеряли кристальную чистоту, дороги размыло, сырость стала неизбежным гостем в каждом доме, включая замки и дворцы. Мэри поежилась. «Как холодно, – подумала она. – Интересно было бы узнать, что думает о нашем королевстве принцесса».

– Вы несправедливы, Ваше Высочество, когда так отзываясь о мужчинах вашей страны, – улыбнулся ее словам посол. – Разумеется, любой из флегматичных подданных не сравнится с горячим испанским грандом, но все же и при английском дворе нашлись люди, решившиеся бросить вызов самому господину советнику.

– Неужели? – резко развернувшись, спросила принцесса. На ее лице отразилось полное недоумение. – И кто же этот смельчак? Назовите его имя!

– Герцог Норфолк, например, – протянул посол, исподлобья взглянув на собеседницу.

– Никогда не смейте произносить это имя при мне, ваше превосходительство, иначе я укажу вам на дверь, невзирая на вашу многолетнюю поддержку и внимание. Это бесчестный, беспринципный человек, гнусный, двуликий обманщик. Благодаря его интригам сослали мою мать в далекий замок, где она умерла от горя и голода. Никогда не прощу ему этого!

– Простите меня, принцесса, если я причинил вам боль, вызвав эти воспоминания, – глядя на нахмуренные брови девушки, проговорил ее собеседник. – У меня и в мыслях не было ничего дурного... Я только ответил на ваш вопрос, принцесса Мэри, так как счел необходимым донести до вас, что готовится заговор, и его возглавляет...

– Довольно! – прервала его Мэри. – Я все и так поняла... А как наши друзья? Они предпринимают какие-нибудь действия для восстановления папской власти в Англии?

– И да и нет. Разумеется, император и Франциск не хотят пока совершать каких-то решительных действий в отношении королевства. Надо отдать должное Кромвелю, он правильно все рассчитал. Ни у кого нет ни малейшего желания вступать в противоборство со Шмалькальденским союзом, даже у Папы.

– О Святая Дева Мария, значит, нам остается только смотреть на то, как гибнут приверженцы нашей веры на кострах, взывая к Господу о защите и милости, как уничтожаются и разграбляются монастыри? Вы это предлагаете?

– Ну почему, принцесса, – задумчиво проговорил посол. – Возможно, есть и другой выход.

– Объяснитесь! – приказала Мэри, отходя от окна и усаживаясь на стул.

– Я имею в виду возможность сыграть на чьей-нибудь слабости и заставить его принять нашу сторону, при этом продолжая придерживать его в стане врагов.

– У вас есть уже кто-нибудь на примете?

– Разумеется, Ваше Высочество, я ведь не первый день при дворе и знаю буквально все о каждом подданном вашего королевства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.